

КОНЦЕРТ ПАТРИЦИИ КААС

3. Далеко от Москвы. Город Солнечный

МАРК ВЕВИОРОВСКИЙ

Марк Вевиоровский

**Концерт Патриции Каас 3. Далеко
от Москвы. Город Солнечный**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Вевиоровский М. М.

Концерт Патриции Каас 3. Далеко от Москвы. Город Солнечный /
М. М. Вевиоровский — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В книге вы встретитесь с обыкновенными и неординарными людьми, которые мало отличаются от нас с вами, но живут удивительной жизнью. Действие происходит в узнаваемых обстоятельствах и даже с участием реальных лиц. Паранормальные способности некоторых героев позволяют причислить книгу к произведениям фантастическим, но уж если это научная фантастика, то фантастика социальная, затрагивающая некоторые основы нашей реальной действительности с необычной стороны, но неизменно с любовью к человеку.

© Вевиоровский М. М., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Гриша рисует	28
Эксперимент	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Это только кажется,
что чем дальше –
тем спокойнее.

Лирическое отступление

То место, о котором Гриша Свиридов под большим секретом рассказывал своей Уле, называлось по разному.

Гриша называл это «поселком Солнечный», где-то это называлось «пгт Солнечный» («пгт» означает «поселок городского типа»), в некоторых документах писали даже «город Солнечный», а на самом деле ...

На самом деле все обстояло несколько иначе.

Достаточно сказать, что закрытая засекреченная зона появилась в этом месте очень давно, и связано это было с добычей золота. А раз золото и весьма неприветливый, мягко говоря, климат, то появились и лагеря, заключенные и все такое прочее.

Затем рядом с малоперспективными разработками появился военный завод, лагеря из системы Главного управления лагерей передали Главному управлению исполнения наказаний, сменился контингент заключенных, а рядом с заводом выросли жилые дома и это по сложившейся традиции получило наименование «соцгород».

И значительно позже участок тайги вдали от шахт и соцгорода отвели под создание научной организации, где развортывали исследования какие-то физики ...

И строго говоря наименование «Солнечный», мелькающее в открытых документах, относилось к этому засекреченному почтовому ящику, а не ко всему конгломерату в данной географической точке, где кроме шахт и лагерей, крупного машиностроительного завода с соцгородом еще были и воинские части, и военный аэродром, и всякая прочая инфраструктура ...

И именно этот засекреченный почтовый ящик, давший свое имя всему вокруг, определил степень секретности всего объекта с дополнительной секретностью и защитой внутри «приморского поселка Солнечный» – такое наименование тоже иногда возникало в открытой документации.

Но продолжим повествование о событиях, происходивших так далеко от Москвы ...

Нина самохина

ЗВОНОК КОНОПЛЕВА

– Галина, я в штабе. С десяти – разговор с новым начальником лаборатории ... памяти академика. Новый начальник – Скворцов Виктор Антонович. Подготовьте на него все бумаги – приказ, распоряжение о допуске и так далее. В двенадцать – новый уполномоченный контрразведки подполковник Чибрыкин Емельян Никанорович. На встречу с ним пригласите майора Рахматулина.

В штабе Свиридов внимательно просмотрел перечень непоставленного оборудования, последние еще не выполненные заявки на материалы, обратил внимание на заявки по медикаментам и медицинской технике.

Здесь его застал звонок из города.

– Товарищ Свиридов? Здравствуйте. Коноплев Алексей Васильевич, председатель комиссии партийного контроля из Москвы.

– Здравствуйте, товарищ Коноплев. Слушаю вас.

– Вы знаете, по какому поводу мы прибыли. Есть необходимость побеседовать с вами. Не возражаете?

– Ничуть. Когда и где вам удобнее?

– Часа в три вас устроит? Я приглашу майора Брызгу. И вместе побеседуем. Приезжайте в горком, я пока здесь в кабинете первого секретаря обосновался.

– В пятнадцать часов буду у вас.

Прихватив с собой Евменова Свиридов проверил, как подготовлен корпус для медиков и остался им доволен.

РАЗГОВОР со СКВОРЦОВЫМ

Ровно в десять Свиридов вернулся к себе и пригласил в кабинет Скворцова.

– Как спалось на новом месте?

– Тихо тут у вас! Спал, как суслик.

Они сели в кресла в углу кабинета.

– Завтракал? Хорошо. Сейчас – разговор о деле. По душам поболтаем потом, время будет. – но Свиридов не удержался. – Это здорово, что ты приехал!

– Ты в Москве несколько раз высказывал замечания по поводу получаемых нами данных о свойствах новых материалов. Мы их получали отсюда. Ты не знал, где ведутся эти исследования, да и я только мог предполагать ... Просмотрев отчеты здесь, я убедился в их некорректности и неполноте. Исправлять это придется тебе. Есть большая лаборатория, большой коллектив, современное оборудование. Есть горада отчетов, но нет результатов. Нужно все критически пересмотреть, многое просто переделать, что-то делать по другим методикам ... Все. Видишь, как просто?

– Куда проще. Но это же чистое металловедение, точнее – материаловедение. Думаешь, потяну?

– Я помню, что про тебя говорили наши ребята в группе. Он может сделать все, что нужно. А тебе всего-то нужно поставить сотрудникам задачу, мобилизовать их, заставить работать, определить план дальнейших действий – и вперед.

– Совсем чуть-чуть. Это же работа на целую жизнь.

– Нет, столько времени я тебе не дам. Пару дней – разобраться с персоналом, еще дня три на выработку методов ревизии полученных результатов и отчетов, и немедленно – первые результаты по ранее выпущенным работам. Отчет на Ученом Совете. Так и запишем – через неделю твой доклад на заседании Ученого Совета. Кстати, тебя туда тоже введем.

– Оттого, что ты меня куда-нибудь введешь, лучше не будет ...

– Помнишь?

– А как же! Почти все, встречая его, вспоминали, что он – введенный член Ученого Совета, и улыбались! Ладно, а кто меня введет – тьфу, черт, опять вводить будут! – введет в курс дела в лаборатории? Передаст дела?

– Считаю, что прежний начальник лаборатории – доктор наук, профессор, член-корреспондент – скоропостижно исчез. Нет его и не будет. В лаборатории есть такая дама – Вережатская Валерия Осиповна, кандидат технических наук, женщина толковая и хорошо знающая дела лаборатории. Потолкуй с ней, тебе имеет смысл назначить ее своим заместителем. Другого человека подбери заместителем по экспериментальным установкам – там большое хозяйство, нужен дельный механик. А дальше – сам. И не стесняйся. Нужно стенку сломать – ломаем, нужно дом построить – построим.

– Ну, эти-то твои штучки я еще не забыл. Здесь опять режим военного времени? И военной диктатуры?

– А как же! А об основных работах я тебе расскажу в другой раз.

– Что значит – об основных? А материалы – это не основное?

– Материалы – это такие мелочи по сравнению с основной задачей ... Просто я не мог пройти мимо этих глупостей – они потом могут ох как отозваться! Но несмотря на то, что твои работы – не основные, помощь тебе будет оказываться в полном объеме.

– Ладно. Ругаться с тобой буду потом. Библиотека-то тут хоть есть? У меня голова – не библия, я всех премудростей не помню.

– Все есть, а чего нет – достанем. Скажи только, что нужно. Вопросов у тебя будет еще много – потерпи, поднакопи. А пока моя секретарша Галина Климентьевна тебя проводит в твои владения. До вечера?

– До вечера ...

РАЗГОВОР с ЧИБРЫКИНЫМ

– Разрешите, товарищ полковник?

– Заходите, Емельян Никанорович. Располагайтесь. Как устроились, как спали на новом месте?

– Устроился прекрасно, спал неплохо – с учетом разницы в часовых поясах.

– Майор Рахматулин, заместитель начальника объекта по безопасности, фактически подчиненный ваш и мой.

– Майор Рахматулин, Сергей Мунирович.

– Подполковник Чибрыкин, Емельян Никанорович.

После обмена рукопожатиями все уселись.

– Побеседуем? – начал Свиридов.

– Да, конечно. Прошу вас.

– Может быть начнем с вопросов? Работа для вас привычная или вы ранее такими делами не занимались?

– Приходилось. Может быть, не в такой ситуации дела принимал, но приходилось. А вопрос всегда один и тот же – с чего начать?

– Да, вы правы – всегда один и тот же вопрос. С чего начать, что является наиглавнейшим и решающим. Так вот, с моей точки зрения наиглавнейшим вопросом является вопрос налаживания нормального режима секретности на объекте. И его безусловного функционирования.

– А его нет? Я имею в виду режим секретности?

– Он формально есть и даже формально исполняется ... в некоторых частях. Но установлен он был так давно, что никто сейчас не в силах вспомнить, почему и как были установлены эти правила. Например, отчеты о работах лаборатории исследования материалов недоступны – формально – даже сотрудникам лаборатории, если они не принимали участие в данном разделе исследований. А фактически – все отчеты лежат в открытую в шкафу в лаборатории. Помещения вычислительного центра снабжены шифрзамками, но открывают их любому, если позвонить. Формально – и я считаю, что в этом действительно есть глубокий смысл – персонал охранных подразделений не должен контактировать с научным и обслуживающим персоналом, а фактически – в клубном помещении охраны на вечерах и танцах присутствуют научные сотрудники. Архивные научно-технические материалы разпылены между архивом первого отдела и архивом НТО первого отдела, поисковый аппарат отсутствует, найти что-нибудь – проблема.

– Степень закрытости материалов принята одна – секретно, и все. А это на самом деле далеко не так ... Я могу перечислять долго, но суть всего сказанного одна – нужен нормальный и действенный режим секретности. Попробуйте оценивать эту проблему с точки зрения агента, проникшего к нам на объект. Тем более, что это к какой-то мере соответствует действительности – теперь у нас на территории секретного объекта два иностранных агента.

– !?

– Вот вам еще одна проблема. Вернее, две. Первая – использование этих агентов в контигре, если на это пойдет руководство.

– Мне специально подчеркнули, что окончательное решение при любом варианте, разработанном с их использованием, будете принимать вы, товарищ полковник.

– Да, я знаю. И второе – их адаптация. Худобин – наш разведчик, но и он чувствует некоторое недоверие к себе, а что же тогда говорить об Уайттеккер. Ограничение их осведомленности не должно носить характер дискриминации, или это нужно объяснять им каждый раз очень подробно и тщательно.

– Да, это проблема общая. Уже приходилось сталкиваться. С чего посоветуете начать практически – режим секретности с наскока не решается.

– Очень хорошо, что вы оцениваете это трезво. Начните с архивов – и всем понятно, и постепенно можно выйти на нормальные условия и ограничения доступа, и снятия ограничений, и выработки нормального режима внутреннего документооборота, и внешней секретности.

– Понял вас. Еще мне сообщили, что здесь на территории центра проводится некоторая спецоперация, связанная с разоблачением преступной группы в городе. И что степень моего участия в этой операции решаете вы лично.

– Да. Вы не принимаете участия в самой операции, это согласовано с руководством, а лишь фиксируете ее результаты ... когда они будут. Эта ваша некоторая отстраненность обусловлена оперативными соображениями. Еще вопросы?

– Возможно, они появятся в ходе работы.

– Тогда успеха вам. Сергей Мунирович вам поможет.

Офицеры откланялись.

– Василий Андреевич, введите в состав штаба подполковника Чибрыкина Емельяна Никаноровича, уполномоченного контрразведки, и проинструктируйте его.

С НИНОЙ САМОХИНОЙ

– Толя, мне надо с тобой поговорить! – Нина перехватила Свиридова в коридоре, когда он вышел от мальчиков.

Она заметно нервничала последние дни.

– Ну, пошли.

В светлой пустоте комнаты для свиданий она встала лицом к стеклу и сказала сквозь слезы, с трудом выдавливая из себя слова.

– Мой Коля ... он такой хороший ... и с Васильком они так ... сдружились ... а я беременна ... третий месяц ...

Свиридов положил ей руки на плечи.

– А разве это плохо, сестренка? Я думаю, что это хорошо!

– Правда? – Нина повернулась и уткнулась мокрым лицом ему в грудь. – Ты правда думаешь, что это хорошо? А как же ... Коленька?

– Конечно хорошо. Ребенок – это счастье ...

– Да ... Счастье ... А если ... А когда он узнает ... и Василек ...

Из ее всхлипываний Свиридов только понял, что отец ребенка – гад и подлец, что Нина очень хочет ребенка и очень боится – всего и всех, и вообще она такая счастливая, такая несчастная ... И что ей делать – она не знает, а сказать Коле Петрову – боится пуще всего.

Свиридов, как мог успокаивал ее, гладил по спине.

– Так скажи ...

Она плача замотала головой.

– Боюсь ...

– А чего боишься?

– Боюсь ...

– Хочешь избавиться от ребенка?

– Да ты что – как можно!?

– Ну, и что делать будем?

– Не знаю! – она заплакала навзрыд.

– А кто отец ребенка? – Нина отчаянно замотала головой и Свиридов, решившись, прикоснулся к ее сознанию.

– Он, что, – гад и подлец?

– Еще какой ...

И Свиридов «увидел» этого подлеца – прямо ему в лицо противно и самодовольно улыбался профессор Оратынцев. Свиридов прервал контакт.

– Как же ты ... с ним?

– Ты ... узнал, кто, да? Он ... сказал, что если ... я не стану ... с ним ... он меня ... снимет с допуска ... придется уехать ... а Василечек останется здесь ... – Нина заревела с новой силой.

– Ну, хватит! Ну, уймись ты! Как я сам не догадался, что ты беременна, – он вспомнил полуодетых мам в сушилке интерната. – Оделась тепло – береглась, и груди стоят, словно пушки ...

– Правда ... как пушки? Ой, мамочки ...

– Да не реви ты! Ты даже не представляешь, как это прекрасно. Женщина расцветает, она – царица, ее тело ликует! ... Но ты должна хотеть ребенка и уже сейчас любить его. И он должен знать об этом ... А ну, пошли!

– Куда? ...

– Идем, идем, – Свиридов провел ее коридором и привел к себе.

– А у нас радость – у Нины будет ребенок!

Нина испуганно взглянула мокрыми глазами на жену Свиридова.

– Нина, милая ты моя, как хорошо! – Тоня обняла ее и повела к дивану. – Садись скорее. Как это хорошо – будет маленький человек ... Рассказывай!

– Что рассказывать? – испуганно спросила Нина.

– Все рассказывай – какой срок, когда ждем, кого хочешь?

– Ой!.. – теперь Нина плакала на груди у Тони.

Гриша принес воды.

– Вообще-то я хотел бы сестренку ... Мне очень хотелось иметь младшую сестренку ...
– Гриша сказал это очень тихо и очень серьезно,

– Но Тоня не может ... Ничего, пусть будет мальчик!

– Я тоже ... хочу мальчика ... еще одного ... и боюсь ...

– Папа, пусть у тети Нины будет мальчик!

– Ты так говоришь ... как-будто твой папа может это ...

– Ну, я не знаю ... Но мой папа может все!

– А Коля уже знает?

Новый приступ рыданий потряс Нину, и теперь ее утешали Тоня и Гриша.

– Тетя Нина, ты кончай плакать, а то нос покраснеет! – очень серьезно сообщил Гриша. – И вообще, скажу я тебе ...

Нина, утихая, промокала платком глаза.

– Скажу я тебе вот что ... Если дядя Коля тебя любит, и ты его любишь тоже ... То вы будете любить сына вместе ... Хотя все это не так просто ... Я-то знаю!

Теперь досталось и Грише – Нина его тоже всего залила слезами.

– Я пошла?

– Иди и ничего не бойся. Легко не будет ... Только не говори Николаю кто отец. А то ... Я бы на его месте ... убил бы гада ...

ВАСЕНЬКА, У МЕНЯ БУДЕТ РЕБЕНОК

– Васенька, ты знаешь ... а у меня будет маленький ребеночек!

– Я знаю, мама. А дяде Коле ты сказала? Надо сказать.

- Я боюсь ...
- Зря. Чего бояться? Он тебя любит. Ты же не по доброй воле ...
- Ты знаешь?!
- Мама, успокойся. Мало ли чего я знаю. Ты расскажи дяде Коле. Или, хочешь, я расскажу?
- Да ты что? Как можно ... Пойду, расскажу ... Не бросит он меня, нет?

ЧЕРНОМЫРДИН о СИСТЕМЕ

– Анатолий Иванович, это же полный бедлам, а не система! Это же уму непостижимо – такое наворотить!

Черномырдин кричал и размахивал руками, но Суковицина уже не так удивленно смотрела на него, а просто закрыла незакрытую им дверь.

- Вы присядьте, Семен Гаврилович. Присядьте.
- Да, да, спасибо, Галина Климентьевна, я сяду. Но безобразия от этого не уменьшатся!
- Семен Гаврилович, если вы будете так эмоционально выражать свои мысли, то я ничего не пойму, – улыбнулся Свиридов, – А хотелось бы понять. Тем более, что по пустякам вы кричать не умеете. Я не прав?

– Вы правы, Анатолий Иванович, вы как всегда правы. Прошу прощения за крик, но дело действительно безобразное.

Он начал излагать свои соображения так же эмоционально, и Свиридову несколько раз приходилось утихомиривать Черномырдина, но все же в конце концов удалось понять, в чем дело.

Так или иначе все работающие в научном центре делились на две большие, но неравные группы – научно-технический персонал и обслуживающий персонал.

Затем шло деление научно-технического персонала на основной и вспомогательный.

Затем основной научный персонал делился на персонал теоретического обоснования, персонал экспериментальных установок, камеральный состав и архив.

В группу вспомогательного научно-технического персонала входили аналитики всех уровней, электрики и электронщики, сотрудники вычислительного центра, проектно-конструкторского отдела, механической службы обслуживания экспериментальных установок, механических мастерских по обслуживанию экспериментальных установок, отдела снабжения экспериментальных установок, библиотеки, профилактория и НТО первого отдела ...

Свиридов прервал Черномырдина.

– Разыщите Рожнова. Я его жду.

Структурные деления обслуживающего персонала было запутаны и усложнены до такой степени, что Черномырдин для простоты и наглядности привел примерную схему так, как она у него получилась. Он всех разделил на внешних и внутренних – во внешние подразделения у него попали охрана периметра, персонал контрольно-пропускных пунктов, цензура и управление. Внутренние структуры обслуживающей группы так же содержали охранные подразделения – охраны территории, отдельных объектов на территории и постов.

А еще там была дирекция – не имеющая отношения к научно-техническому персоналу; администрация, так же не имеющая к этому отношения; персонал медико-санитарных учреждений; персонал многочисленных пищеблоков и буфетов; персонал многочисленных служб общетехнического назначения; целый букет подразделений бытового обслуживания – торговля, стрижка, починка, уборка помещений, стирка и чистка; культура – снова библиотека, бильярдная, спорткомплекс, оздоровительный центр; персонал поэтажного обслуживания корпусов, персонал администрации корпусов, персонал групп контроля и еще куча надзорно-контролирующих подразделений, связанных с первым отделом, с управлением режима, с управлением контрразведки и еще черт знает с чем. Здесь же был и первый отдел.

– Я видел схему у Шабалдина – она ничего общего не имеет с тем, что я перечислил. Суть же в том, что в зависимости от того, в какую клеточку попал человек, будет зависеть система и величина оплаты труда, социальные привилегии и всяческие льготы. Система построена на полной дискриминации человека! Сотрудник из штата профилактория – а это относится к вспомогательному научно-техническому персоналу – совершенно не адекватен сотруднику подразделения медико-санитарного подразделения из группы обслуживающего персонала. И оплата труда совершенно разная, и льготы по обслуживанию. Анекдот – два врача, выполняющие одинаковую работу, но состоящие в штатах разных подразделений имеют разные системы оплаты и льгот! Один получает полное обеспечение бесплатно, а зарплату на личный счет, а другой – получает зарплату деньгами, и все его льготы – это продукты без очереди и по льготной цене. У одного – полный пансион, жилье, инфраструктура гостиничного типа, а у другого – наемная квартира или комната и инфраструктура городского типа. Причем перейти нельзя. Например, из первого отдела группы обслуживающего персонала нельзя перейти в аналогичную структуру в группу научно-технического персонала – там все системы материального поощрения разные, и уровни разные. Думаете, внутри групп системы социально-бытового обслуживания одинаковы? Ничуть не бывало! Электронщики могут пользоваться услугами магазина – того, что называют «супермаркетом», а электрики – не могут. Аналитики, сотрудники вычислительного центра – могут, а сотрудники НТО первого отдела и работники механических служб – не могут. И так далее. Если пересчитать в условную заработную плату, то в результате я получил разницу в оплате труда за одинаковый труд в пять раз!

Рожнов уже сидел за столом и слушал Черномырдина.

– Семен Гаврилович, а как сложилась такая система? – спросил он.

– А системы нет. Есть фрагменты, узаконенные распоряжениями, приказами, постановлениями, а единой системы – нет. Даже документа такого нет – структуры и ее дробления!

– И как же вы раскопали все это? Да так быстро.

– У меня свои методы. Когда идешь от зарплат, то быстро выходишь на структуру. Есть цифры, есть данные... – закончил Черномырдин, возмущенно и растерянно разведя руками.

– Это – серьезно. С этими вещами я уже сталкивался. Вам вместе подготовить доклад на мое имя и начать разработку более рациональной структуры, в том числе систем материального поощрения и льгот. Меня тревожит наш жилой фонд в городе и его обслуживание, обратите на это особое внимание. А вам, Семен Гаврилович, большое спасибо за проделанную работу.

ПАПА, Я НАПИСАЛ ПИСЬМО

– Папа, я написал письма, ты посмотри. Поправь, если я чего не так написал, я перепишу. Свиридов развернул листок.

«Привет, Никанор! Привет тебе с жаркого юга. Я уже загорел за эти несколько дней и начинаю прятаться от солнца. Но вода такая приятная, что вылезать не хочется, но меня пасут и вынимают силой. Но с Олегом мы находим скрытые пути и уходим от наблюдения. Не думай, что мы уж очень разгулялись тут – ничего подобного, меня тут учить взялись всерьез. Тиранят вовсю! Видела бы ты, что со мной делают! А грозятся, что будет еще тяжелее и еще строже. Хорошо, что приехал Семен Гаврилович, он и к Олегу, и ко мне очень добр и всегда нас защищает, только вот от него самого уже теперь никакого спасения нет. Раньше хоть ты меня защищала. Как ты живешь, какие у тебя новости? Никого еще не загрызла? Как родители? Не очень тиранят тебя? Я тебя частенько вспоминаю, когда рисую или когда выбираю натуру. Мне Тоня позировала для портрета, заодно я попробовал нарисовать ее с косами (как у бабы Гали), а потом тебя с прической, как у Тони. Получилось очень интересно, мы с Тоней даже удивились – у тебя такая солидность появляется. Поэтому учти – если хочешь выглядеть солидной старшей лоханкой, сделай прическу, как у Тони. Только вот у Тони эта прическа ее не молодит – я попробовал удлинить ей волосы, и она сразу выглядит старше. Она этому тоже удивилась, и мы

даже поиграли с ней с прическами и волосами. Папа много работает, но позагорать и поплавать с нами время находит. Он мне разрешил немного поездить за рулем, но дороги здесь плохие, и особого удовольствия мне это не доставило. Тут интересные ребята живут, местные, мы подружились и теперь у нас своя кампания – все-таки веселее. Пиши, что нового у тебя и как ты живешь. Все приветы Семен Гаврилович довез в целости и сохранности. Привет тебе от папы и от Тони.

Обнимаю тебя. Твой Гриша.»

Второе письмо было адресовано Галиным.

«Здравствуйте, баба Галя и деда Вася! Я уже без вас скучаю, а когда вы получите мое письмо, буду скучать еще больше. Живем мы хорошо, каждый день купаемся и загораем. Купаться мне очень нравится, только меня из воды все время вытаскивают и говорят, что хватит. Будто я сам не знаю, когда мне хватит. Вон папа и Тоня купаются много больше меня и ничего. А еще мы едим всякие фрукты и пьем парное молоко с настоящим черным хлебом. Никогда не думал, что это так вкусно. Корову еще не видел, надо будет сказать ей спасибо за такое вкусное молоко, а может быть даже подарить ей портрет. Немножко рисую, потому что меня старательно мучают всякими занятиями и грозятся устроить экзамен на всхожесть, который называется экстерн. Наверное, что-то противное, но пока точно не знаю. Папа много работает, Тоня осваивает иностранную швейную машинку, а так все в порядке. Как дела у вас? Как давление у деда? Баба Галя, ты ему там спуска не давай, пусть только попробует не прочесть тебе это! Я тогда приеду и разберусь с ним. Что там поделявает вся окружающая среда? Семен Гаврилович привез нам все приветы от вас, и мы с радостью посылаем вам свои, и передавайте их всем, кто нас знает. Отдельные приветы разбойникам Скворцовым и всем другим разбойникам, а также бандитам из лесной школы. У нас тут леса нет, так, мелкие кустики и вся тень искусственная, поэтому даже в тени загорает, как на сковородке, а из животного мира один верблюд (чучело) и много ящериц (нарисованных). Вам привет и всякие хорошие пожелания от папы и Тони. Веронике я написал письмо с кучей приветов, но все равно поцелуйте ее от меня.

Я вас обнимаю и крепко целую. Гриша.»

– Мне твои письма понравились. Ты все написал правильно – мы же на юге загораем. А почему ты Уличке ничего не написал? Или считаешь ненужным?

– Нет. Просто пока не получается ... А вспоминаю ее все время – невольно как-то получается ... А письмо не выходит ...

Вечером по заведенному порядку Свиридов просматривал документы в штабе.

В материалах, полученных из Москвы, его внимание привлекла шифрограмма с неприятным текстом. Но прочитав ее внимательно Свиридов понял смысл – генерал Сторнас информировал его о возможном приезде генерала Нефедова.

НИНА САМОХИЯ ЖДАЛА НИКОЛАЯ

Нина Самохина ждала Николая Петрова на улице.

– Ниночка, что-нибудь случилось? Что это Василек меня вызвал?

– Пойдем, пройдемся.

– Ты, что, плакала? Не надо, нет ничего стоящего, чтобы тебе плакать.

– Ой, Коленька ... Хотелось бы ...

Они прошли молча до конца корпуса и повернули в лес.

– Коленька, выслушай меня ... Только не перебивай ... Я к тебе очень серьезно отношусь ... И к нашим с тобой отношениям тоже очень серьезно отношусь ... Я тебя полюбила ...

– Я к тебе тоже серьезно отношусь, и люблю тебя ...

– Не перебивай, пожалуйста! Только у меня есть сын ...

– Ну, не дури! Вася мне не чужой, он твой сын, значит ... Да и мы с ним ...

– Коленька! Да беременная я! На третьем месяце!

Нина хотела вырвать руку и убежать, но Николай не дал, и ей пришлось идти дальше рядом с ним.

– Не было у меня никого, – не выдержав продолжила Нина, – Меня этот гад силой взял ... изнасиловал ... А теперь третий месяц ...

Они опять шли молча и опять Нина не выдержала.

– Я виноватая перед тобой ... не знаю, в чем, но виноватая ... Прости меня, если сможешь ...

– В чем ты передо мной виноватая – я знаю ... В том, что сказать боялась. Стало быть, мне не верила ... Это, стало быть, первое ...

Нина замерла и сжалась.

– И опять же мне не верила ... Если я тебя люблю ... если ты меня любишь ... то как я могу не принять твоего ребенка? Ну, объясни?

Нина ревела в голос, пыталась что-то сказать, а Николай вытирал ее лицо платком и обнимал.

– Прекрати рев. Ему вредно.

– Что? Что ты сказал?

– Я сказал – ему вредно. Прекрати. Успокойся. И пошли в тепло, а то сопли замерзнут.

– Коленька!

Они, не раздеваясь, поднялись на второй этаж, нашли свободную комнату, закрыли дверь.

Нина обессилено опустилась на диван, но Николай поднял ее.

– Разденься хоть.

Он помог ей снять полушубок и усадил. Потом стал снимать сапожки. Нина тихонько счастливо плакала. Он так осторожно разувал ее, так нежно гладил ее ноги.

– Тебе не будет жарко? Давай, сниму рейтузы.

– Давай ...

Она почувствовала его руки на поясе, на бедрах. Он осторожно стал стягивать рейтузы, стараясь не стащить с нее одновременно и трусики, а Нина привстала и помогла ему.

– Ты из-за него мне ... не позволяла? – он так и не сел рядом, а устроился около ее ног на полу и стал целовать ее колени.

– Врач сказал – дней через десять уже можно будет ... Уж три прошло ...

– Подождем ... Где же он там у тебя?

Нина вытянулась, отдавая его руке.

– Коленька, милый ... Ты взаправду не винишь меня? Мне ведь знать надо ...

– Не бери ... Сама сказала – силой взяли ... Чем ты виновата? А он чем виноват? – и он нежно погладил то место, где, как он думал, уже находился неведомый никому еще человек.

ПРИЛЕТЕЛИ УМАРОВ и ИВАНИЩЕВА

Прилетевших Умарова и Иванищеву Свиридов встретил в главном административном корпусе, в штабе.

– Ангелина Митрофановна, позвольте представить вам полковника Свиридова.

– Свиридов Анатолий Иванович. Очень приятно. – Свиридов поцеловал протянутую руку.

– Ангелина Митрофановна Иванищева.

– Здравствуйте, Эрнест Умарович!

– Здравствуй, Свиридов, здравствуй. Мы здорово устали с дороги.

– Комнаты вам подготовлены, все разговоры завтра. А сейчас по кружечке парного молока со свежим хлебом? Пойдемте в буфет.

Приехавшие с удивлением осматривались в буфете – уютно, небольшие столики под накрахмаленными скатертями, мягкий свет, сверкающая стойка, такие милые и домашние девушки с косичками и главное – под белыми салфетками оказались глиняные кружки с настоящим парным молоком, а хлеб был ржаной, духовитый.

– Анатолий Иванович, это ваш агитпункт? – с удовольствием вдыхая запах хлеба спросила Иванищева.

– Нет, Ангелина Митрофановна, это наш штабной буфет. В корпусе, отведенном для вас и ваших сотрудников, есть и такой же буфет, и столовая с таким же молоком и хлебом. И множество всяких других приятных удобств. Когда приедут ваши сотрудники?

– Часть должна прилететь послезавтра, остальные – попозже. Я хочу разобраться, насколько Эрнест Умарович прав, что здесь уже есть фронт работ.

– Вот завтра мы с вами побеседуем и разберемся, с чего начать и кто понадобится в первую очередь. А сейчас, если вы не возражаете, вас проводят в вашу квартиру. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Иванищева в сопровождении Суковициной вышли.

– Как дела, учитель?

– Это я у тебя должен спросить, Свиридов – как дела?

– Для медиков большинство оборудования уже прибыло, можно начинать монтаж. Но для них появилась срочная и не запланированная нами ранее работа. Может быть, завтра? Вы устали.

– В двух словах.

– Детей, таких, как Олег Ерлыкин, оказалось больше, еще семеро. Таким образом мы имеем восемь матерей и восемь мальчиков. Одна пара – сопряженные телепаты, как мы их назвали, остальные матери такими способностями не обладают. Из отцов в живых пятеро, все работают в городе рядом. Надо исследовать эту группу подробнейшим образом.

– Да, материал интересный. Давай завтра все обсудим вместе с Иванищевой – она женщина серьезная, хоть и с заскоками. Ученица Тимофеева-Ресовского, чем весьма гордится.

– Того самого?

– Того. А сейчас – спать хочу. Проводи меня. Как там Антонина? Как Гриша?..

ВЕЧЕРОМ СО СКВОРЦОВЫМ

– Ну, как, познакомился с коллективом? Как Верещатская?

– Знакомлюсь. А она ничего, деловая. Только серьезная очень – шуток не понимает. Ладно, поживем – увидим ... Ты-то как?

– Соскучился без тебя. Ей богу!

– Тоню не обижай – разве она ни все время около тебя?

– Что ты! Тоня ... Тоня – это такой подарок судьбы ... А ты – это ты.

– Давай по маленькой?

– Давай.

– Ну, рассказывай. Ты так тогда умчался, ничего не объяснил. Как дела-то?

– Сложно. Сколько времени прошло ... По работе, вроде бы, все идет путем, из графика не выбиваемся, но вокруг ... Я тут такого наворотил ...

– Давай, давай, выкладывай.

– Я тут настоящей мафии на хвост наступил. Ненароком. А раскрутилось такое ... прямо как в жизни – только тронешь, так потом не остановишь. Было все чинно-благородно – закрытый город, а при закрытом городе – закрытый научный центр. Ты теперь понял, откуда все наши разработки пришли? Отсюда.

– Но то, для чего ты сюда приехал, не конструкционные материалы?

– Новый проект? Нет, но это – потом. Так вот: копнул я случайно. Или не случайно – нарушение установленного порядка было формальным, а по существу весьма серьезным. Так и оказалось. И за жабры я – опять случайно? – взял серьезную рыбу. Чтобы его освободить дружки его поделщики организовали захват Тони в заложницы.

– Ну!? Серьезно!? Как она ... То есть – все нормально? У них не вышло? Ее не захватили? Да говори ты!

– Не дергайся. Она тебе сама расскажет. Но захватить ее они сумели, только я освободил ее очень быстро ... Испугался – ты себе не представляешь ... Без жертв не обошлось ... Но все это вскрыло такой нарыв!

– Все-таки, как она? Как она пережила это?

– Витя, она – профессиональный разведчик. Ты понял это давно, хотя вот так, в лоб, никогда мы тебе этого не говорили. А профессионалу приходится и не такое ...

– Все равно, Толя, она – женщина. И это надо учитывать, неужели непонятно ...

– Да все понятно. И я, и Гриша потом старались вовсю, чтобы ее успокоить. Гришка от нее не отходит, я даже ревную – они вместе времени больше проводят, чем со мной ...

– Ну и дурак. Ревновать такую женщину! Хотя только такую и ревновать – без повода, без причины, просто так, потому что любишь ... Ты еще ко мне ее приревнуй. Seriously. Я к ней очень тепло отношусь, с любовью, она меня тоже считает близким человеком, делится со мной своими заботами ... Ладно. Давай дальше. Не получился у них захват заложника ...

– И проявились все заинтересованные лица. И проявился мой характер – бить, так уж как следует, чтобы не встал. С десанниками, с оперсоставом горотдела ликвидировали всю преступную группировку под корень. Тоже без стрельбы не обошлось, но кончилось все малой кровью. И их, а не нашей. Оказалось вовлечено в дело столько всякого разного народа, столько всяких связей повылезло! Свидетелей с большим запасом опасной информации уже начали убирать, ведомства забеспокоились – прислали своих следователей, приехала комиссия партконтроля ... Связей много оказалось, и не только в преступном мире.

– А чем они промышляли? Какие цели у них были, чем занимались?

– ЗАТО – закрытое административно-территориальное образование, со своими законами и ограничениями. Например, уезжая отсюда нельзя с собой увезти недвижимость и драгоценности. Золотишко там, украшения. Только деньги. Преступная группа занималась вывозом отсюда этих запрещенных изделий – от конкретных лиц конкретным лицам. Но это было не основным, а побочным занятием – основным была транспортировка наркотиков, героина.

– Наркотики? И куда же их перевозили? Зачем?

– Святая простота. Наркотики – самый выгодный и дорогой товар, и наркодельцы – самые богатые люди в мире. А наш рынок – неосвоен и необъятен, лакомый кусок. Вот и создали здесь группу для переправки наркотиков, используя недосматриваемые спецгрузы, военно-транспортную авиацию. И все под крылышком начальственных чинов из ... из серьезных ведомств. Группа для захвата Тони была сформирована из уголовников начальством местного лагеря. В городе функционировал дом терпимости с девочками и наркотиками под видом женского общежития местного завода. Городской прокурор там был завсегдаем ...

– Слушай, да об этом роман можно писать! Но когда ты успел – за какие-то два месяца?

– Так это же далеко не все – я же тебе мелкие подробности не рассказываю, а они сами по себе тянут тоже на многотомный роман каждая. Но при этом, учти, никто с меня основной работы не снимал.

– И когда же ты со всем этим управился?

– Трудно сказать. Пытаюсь управиться. Только времени не хватает. Вот сегодня приехала одна очень важная женщина – биолог. Без нее вся наша работа никому не нужна. Вот теперь можно разворачиваться как следует. Но про все про это я расскажу тебе в другой раз.

ЗАПИЛ СВАРЩИК

– Анатолий Иванович, Музыкантов!

– Да, Михеич. Слушаю тебя. Да не части ты! Ну ... Ну ... Ну

– Я сам съезжу! Работай! Резерв есть? Заменить его, говорю, есть кем? Все!

– Двое, видео, машину! Галина Климентьевна, я в город отлучусь.

Машина долго пробиралась по нерасчищенным улицам.

– Тут бы нашего «козлика» надо, куда этой японской красотуле ... – ворчал водитель.

Но все же они добрались – почти на самом конце улицы, упиравшейся в сплошную стену тайги, за повалившимся забором стоял ветхий домик. Пес тьякнул и спрятался под крыльцо. Ступеньки жалобно заскрипели под ногами Свиридова и его спутников.

– Дома есть кто? Здравствуйте.

Провисший потолок, покосившаяся печь в трещинах и совсем не к месту полированная мебель и ковры – на полу, на стенах. Двое ребяташек в теплых костюмчиках, уцепившиеся за нарядную юбку матери, неяркий свет через маленькие окошки, наполовину завешенные богатыми занавесками.

– Здравствуйте ...

– Андрей где?

– Да вон лежит, как с вечера принял лишнего ... Нет, вы не подумайте, он не пьяница, нет ... А вы кто будете?

– Я полковник Свиридов, начальник научного центра. Эти товарищи со мной. Попробуйте его отрезвить, – кивнул он сопровождавшим его офицерам. – А вас как величать?

– Варвара Самсоновна.

– Анатолий Иванович. Сядем, Варвара Самсоновна. Пока там его пытаются привести в чувство, поговорим. Смотрю, дом у вас неважнецкий ...

– Так из-за этого, он, почитай и напился вчера. Михеич говорил – не надо, сходи к Свиридову ... то есть к вам, выходит? А мой-то ...

Она заплакала и Свиридов решился и вошел в ее сознание. Оказалось все до глупости просто – переселили их при расширении завода, даже дом не дали разобрать и перевезти из-за срочности, обещали дать жилье, а пока поселили в этой развалюхе, даже корову негде поставить, Андрюша ходил-ходил по начальству жилищному, да что толку – нет возможности, нет денег, нет материалов. Сам бы поправил – так материалы нужны, да и на работе с утра до вечера, пока оттуда доберешься, до затемно встать надо – до автобуса минут сорок пешком идти-то. Вчера снова пошел к этому инспектору, а тот ухмыляется и на взятку намекает, да еще нос воротит – пахнет от тебя что-то нехорошо, как ты посмел прийти такой-сякой! Конечно, деньги собрать можно, Андрюша хорошо зарабатывает, вон и мебель купили, да уж очень плохо это ... Что это столько важных людей понаехало, как бы Андрюше плохого не сделали, прогулял ведь ...

– Посидите с детишками пока тут. А я посмотрю ваш дом. Снимать!

Стены кое-где в углах заиндевели. На коврах, что висели по стенам, виднелись белые полоски инея, потолок провис и держался на подпорках.

С улицы ввели расхристанного сварщика со снежинками и каплями талого снега в волосах.

– Анатолий Иванович ... Анатолий Иванович! – бухнулся тот на колени.

– Тебе бы не на колени вставать по пьяному делу, а головой маленько поработать – глядишь, и толк был бы ... Смирнов! Валиков!

– Да, командир.

– Поезжайте в горсовет и привезите сюда председателя горсовета Забалуева. Добром не поедет – силой привезти. Исполнять.

Сварщик так и сидел на полу, опустив голову.

– Ты говорить-то можешь?

– Могу ...

– Почему терпел?

– Так обещали ... Власть ...

– Ты к Шабалдину ходил? Ко мне пришел?

– Так мы городские – нами только горсовет занимается ... Центр нам не помогает ... И жилья не дает ...

– У кого вчера был? У какого инспектора? Помнишь хоть?

– Сейчас ... Рожа такая раскормленная, так и хочется к печке приложить ... Пашкаев его фамилие ...

– А чего напился?

– Так ... Я вкалываю ... А он в теплом сортире целый день сидит и еще измывается, гад ... Давить таких надо ... А тут Варя, детишки ... Придешь домой – руки опускаются ...

– Сказал бы я тебе, да жена твоя услышит ... Грамотный? Писать-то можешь? Вот и напиши все, как есть. И почему напился, и как дошел до жизни такой.

Свиридов еще раз прошелся по комнатам, прикидывая, что и как можно подправить. Потом прошел на улицу, вышел на дорогу. Лес стоял тихий, ветер гулял где-то в вышине. До леса по улице стояли еще два дома, ненамного лучше по внешнему виду. Пес осмелел и вышел познакомиться с гостем.

Натужно воя мотором показался белый джип, из него вышел Смирнов.

– Товарищ командующий, гражданин Забалуев доставлен!

– Здравствуйте, Владислав Галилеевич. За способ доставки – прошу простить, но думаю, что на этом ваши неприятности на сегодня не кончатся. Прошу осмотреть жилое помещение и дать оценку пригодности его к проживанию.

Забалуев прошел в дом, Свиридов подождал его и когда тот вышел – кивнул видео-оператору.

– Что скажете?

– Жилье в аварийном состоянии, для проживания практически непригодно. У нас в городе в так называемом частном секторе вашего центра таких домов много, хотя этот, наверное, из самых плохих.

– Так. Почему гражданину Летюхову было отказано в помощи?

– Я не в курсе. Это дело жилотдела ... Зачем он снимает?

– Сколько домов в аварийном состоянии в составе жилого фонда завода?

– Но у них же нет частного сектора ... И аварийных зданий нет ...

– Таким образом вы утверждаете, что ветхий жилой фонд с домами в аварийном состоянии есть в городе только для работников научного центра?

– Ну, зачем же так формулировать ... Научный центр последнее время не выделял средств на обслуживание жилого фонда. А средства завода мы не могли ...

– Вы представитель Советской власти или завода? Вы, если мне не изменяет память, председатель городского Совета депутатов трудящихся. Советская власть. Так почему у вас одни советские граждане белые, а другие – черные? Почему об одних вы заботитесь, а о других – нет?

– Но горком партии ...

– С вами ясно. Поехали к вашему сотруднику Пашкаеву домой, а потом на работу. Хочу посмотреть на его жилищные условия и на него.

Квартира у Пашкаева была недалеко от главной площади в капитальном трехэтажном здании. В уютной и просторной трехкомнатной квартире их встретила жена Пашкаева – крепко сбита полная крашеная блондинка в китайском цветастом халате. Оказалось, что детей у них

с мужем нет, а она не работает, так как для нее, специалиста по культуре (как она выразилась) в городе просто нет работы.

Сам Пашкаев оказался полненьким коротышкой, угодливым до приторности и готовым выполнить любое распоряжение начальства. Он ничего не отрицал, ни в чем не оправдывался, а все обещал сделать завтра, сейчас же, сию минуту ...

Разговор продолжился в кабинете Забалуева.

– Что делать будем, Владислав Галилеевич? Снять вас с председателей горисполкома – дело нехитрое, раз плюнуть, как говориться. Горком партии вам тут не поможет – им бы самим уцелеть, к ним сейчас такие зубры из комиссии партконтроля ЦК приехали ... Хотя там и без зубров и иных прочих зверей им ничего не светит, кроме ...

Свиридов прошелся по кабинету председателя.

– Работать будете? Без дураков? В чем-то помогу, в чем-то прижму, но работать вы, как мне представляется, умеете и можете. Будете ли?

– Буду. Но ведь не вам это решать, не так ли?

– Сейчас – мне. Договорились. Я приеду к вам послезавтра, поговорим о жилье и строительстве. А пока – Пашкаева уволить. Из квартиры выселить. Ни на какую руководящую работу не принимать – пусть дворником идет к Дерендяеву. Заартачится – объясните ему, что про его взятки я все знаю, и если он начнет рыпаться, то придется отвечать по всей строгости закона. А квартиру – переселенческий фонд у вас есть? Вот в этот фонд и передайте. А если кто протестовать будет – присылайте ко мне, я о них позабочусь...

РАЗГОВОР с ИВАНИЩЕВОЙ

– Ангелина Митрофановна, давайте начнем с того, что командующий полковник Свиридов с его полномочиями и возможностями имеет две ипостаси. Первая – я должен сделать все, что требуется, для вашей плодотворной работы. Это не ваше дело – думать о том, где посадить сотрудника, где он будет спать и что он будет есть, во что и как он будет одет ... Это мое дело, и я должен сделать все так, чтобы полностью вас и ваших сотрудников обеспечить всем необходимым. В производственном и бытовом плане.

– Но это же чудесно! А развлекать вы нас тоже будете?

– Обязательно. А вторая моя ипостась – тоже как командующего – осуществлять руководство вашей работой так, чтобы эта работа была направлена на решение заданной проблемы и с наибольшей отдачей. С максимальным эффектом.

– Это уже интересно! Как же вы предполагаете руководить нашей научной работой? Построите нас по росту? Вы ученый? Вы специалист в вопросах генетики? Или хотя бы общей биологии?

– Видите ли, в последнее время я больше интересовался работами зарубежных специалистов – Европа, США. Вот в Техасском университете ...

Минут через двадцать Иванищева остановилась на полуслове и вдруг поняла, что она увлеченно спорит с этим полковником по сугубо научным, очень близким ей и вообще мало кому понятным вопросам.

– Стоп! – она перевела дух. – Это что такое? Как вы меня спровоцировали на научную дискуссию? И откуда вы все это можете знать?

– Но вы-то можете?

– Ну я ... А это аргумент! Но мы еще поспорим ... то есть я хотела сказать – поговорим об этом?

– Естественно и многократно. Пока посмотрите перечень зарубежных изданий, которые мы начнем получать в ближайшее время.

Иванищева стала просматривать листок, переданный ей Свиридовым, то и дело удивленно поднимая на него глаза.

– И все это мы будем получать? – с величайшим удивлением спросила она. – Некоторые из этих изданий я не могла заказать даже через Ленинку. А это что?

– Это? Это препринты университетов, там бывает много занимательного. У нас уже кое-что есть в библиотеке, посмотрите, может быть и найдете что-нибудь полезное. Обратите внимание на работы по созданию ячеек памяти с использованием молекул ДНК. Да, да – в Санта-Фе уже додумались и до этого, и по нашим данным у них кое-что получается.

– А я вас предупреждал, Ангелина Митрофановна! – в первый раз за весь разговор подал голос Умаров. – Тут лаптей не плетут!

– Я так понимаю, Эрнест Умарович, что замечание насчет лаптей следует понимать, как призыв быть ближе к делу? Давайте. Вот вам, Ангелина Митрофановна, для затравки. У сотрудниц, работающих на наших установках, рождаются дети, обладающие аномальными способностями. Во-первых, они телепаты. Общаются между собой в словесно-смысловой и образной форме. Это им было настолько присуще, что они даже говорить в звуковой форме не считали нужным.

– Это правда? ... На самом деле? ... – Иванищева была настолько ошарашена, что не знала, что спросить.

– Это далеко не все. Эти дети – а выживали только мальчики, девочки умирали при родах – получили способность устанавливать эмоционально-знаковую связь со своими матерями еще до своего рождения. И это полное информационное единство матери и ребенка продолжается уже семь лет – это наибольший возраст мальчика, обладающего такими способностями.

– Что вы называете информационным единством? Что это такое?

– А это когда все чувства одного полностью доступны обоим, все до мельчайших эмоций.

– Этого быть не может.

– Совершенно с вами согласен – этого не может быть потому, что этого не может быть никогда. Но это – есть. Добавьте к этому способность этих детей к обучению, к чтению мыслей окружающих и к проникновению в их информационные поля ...

– Полнейшая чушь!

– Вот именно. Вам представится возможность самостоятельно убедиться в этой чуши – мальчики пороются у вас в памяти и достанут оттуда такое, что кроме вас никто и не знает. С вашего, естественно, согласия и разрешения.

– Постойте, Анатолий Иванович ... Вы же серьезный человек ... И вы хотите меня убедить, что какие-то мальчики не просто бытовые телепаты, а еще и информационные экстрасенсы? И еще эмоционально-чувственно связаны со своими матерями?

– Вы в этом будете убеждаться сами, без моей помощи. А смысл всего, что я вам пытаюсь объяснить, один – надо произвести серьезнейшее обследование детей и родителей, и найти, в чем тут дело.

– Так ... Но ведь это где-то совсем рядом с тем, о чем говорил мне Эрнест Умарович – воздействие непонятных мне излучений на наследственно-генетический механизм?

– Не рядом. А именно то самое и есть. Просто объекты появились неожиданно – о существовании мальчиков с их особыми способностями стало известно недавно. До этого было известно о существовании только одного такого мальчика, а теперь их восемь. Вот вам и поле для работы, для развертывания исследований.

– Подробнейшие биологические и генетические исследования ... Вы знаете, сколько это стоит? Ах, да, это не мое дело. Когда я смогу начать? Можно увидеть этих мальчиков?

– Да хоть сейчас. Они гуляют вон за тем корпусом.

– Или лучше подождать, пока приедут мои помощники? И развернуть все как следует? Черт знает что, я уже начала советоваться с вами, Анатолий Иванович!

– Познакомиться с мальчиками можно и сейчас. Пугать их исследованиями сразу не стоит, хотя они примерно знают об этом – как, Эрнест Умарович? Подведите их к этому посте-

пенно, а пока попытайтесь освоиться с их способностями – к ним, действительно, нелегко привыкнуть.

– А может быть, даже нельзя привыкнуть. – дополнил Умаров. – Вы не расстраивайтесь, Ангелина Митрофановна, Свиридов умеет вышибить из седла любого. Если учесть, что он еще далеко не все сказал ...

– Что!? Он еще не все сказал!?

– Анхелина, ты еще прекраснее, когда сердишься! – ответил ей Свиридов на немецком языке.

Умаров рассмеялся.

– И он еще ругается на иностранных языках, – улыбнулась Иванищева, – Ну, что за мужчина – просто душа. Будем считать, что вы ничего плохого про меня не сказали, не так ли?

– Вам перевести? Свиридов сказал, что вы еще прекраснее, когда сердитесь.

– Я же говорю – душа ... Так я подумаю, как лучше организовать обследование – психологические, физиологические, генетические ... И приду к вам, коварный мужчина ... Не сердитесь, привыкайте – я тоже не сахар ... Мне почему-то кажется, что лучше всего будет, если с этими мальчиками познакомите меня вы. Я не права?

– Как же такая изумительная женщина может быть неправа? Этого просто не может быть. Она может только заблуждаться ...

В ГОРКОМЕ

В здании горкома партии было удивительно тихо и все ходили на цыпочках.

В кабинете первого секретаря их встретил коренастый мужчина с хитрым крестьянским лицом, с простецкими манерами и удивительно цепкими внимательными глазами.

– Коноплев, Алексей Васильевич, – представился он. – Председатель комиссии партийного контроля, созданной специальным решением Центрального Комитета.

Усадив гостей Коноплев раскурил трубочку.

– С Назаром Захаровичем мы уже немного знакомы, – начал он, – А вот с вами, товарищ Свиридов, мне очень хотелось поговорить. С материалами дела я знаком, по отдельным моментам к вам вопросы будут у моих помощников. А у меня один общий вопрос. Как такое могло случиться? Ну, кто из вас первый?

– Давайте я попробую, – начал Брызга, – Мы несколько раз пытались заслать своих людей в преступные группировки, и все безрезультатно. Если бы мы были более настойчивы, более успешно ...

– Нет, пожалуй это не ответ. А вы, Анатолий Иванович, как считаете?

– Думаю, проблема значительно сложнее. И значительно проще. Значительно сложнее – очень много всяких факторов сыграли свою роль в образовании и разрастании преступной группы. Значительно проще – ничего бы подобного не было, если бы была налажена работа с людьми. Все аспекты этой работы – и политико-воспитательная, и культурно-массовая, и работа с молодежью, и с неработающими, и с разнообразным контингентом бывших заключенных и условно расконвоированных ... Работа с людьми – основа нормального функционирования, здорового функционирования любой системы, включающей человека ...

– Интересно. Значит, вы считаете, что недостатки в политико-массовой работе явились причиной рассматриваемых нами преступлений?

– В принципе – да. Когда функциональные части системы перестают выполнять свои функции, а принимаются работать для своего воспроизводства – начинаются сбои в системе. Только сегодня утром мне пришлось столкнуться с таким проявлением деятельности городских властей, когда вместо выполнения своих прямых обязанностей чиновники занимались и взятками, и устройством своих личных дел. Я, например, внимания горкома к своим забо-

там не чувствовал – я имею в виду заботы научного центра. И партийная организация центра такого внимания тоже не ощущала.

– Вы член горкома – как же так.

– Я не член горкома! И был я тут один раз – когда представлялся как член партии.

– Не может быть!!! Вы же ... У вас толковый секретарь?

– Нет, у нас старательный, но совершенно неопытный человек. Еще немного – и я привезу своего комиссара. Запрос в ЦК я уже направил, но не хочу проявлять самоуправство.

– Похвально. Особенно если учесть вашу славу неуправляемого диктатора. Но все же, не можете ли вы более подробно дать картину появления здесь такого махрового клубка преступлений?

– Попробую. Только прошу учесть, что многие моменты – секретны, и говорить о них я буду с большими ограничениями.

– Ну, вы говорите с председателем комиссии партийного контроля Центрального Комитета.

– Если я получу прямое указание моего руководства, и не иначе. Дело еще не кончено.

– Тогда – насколько можно на сегодняшний день.

– Преступная группа появилась в городе не случайно. Где-то и кто-то – для простоты опустим – разработал план создания перевалочной базы. Имелось в виду транспортировка наркотиков от оптовых поставщиков с юга к оптовым покупателям центра. Для осуществления плана кем-то – опять опустим – сюда стали поступать соответствующие кадры по каналам Управления исполнения наказаний МВД. Под чужим именем прибыл и был расконвоирован матерый уголовник для руководства всеми делами. Ему передали связи. Интересно, что в этих мероприятиях принимала участие не только наша система МВД, но и американское ЦРУ. Это для вашего сведения, в материалах дела вы этого не прочтете.

– Это действительно так?

– Еще бы. По каналам наркомафии ЦРУ внедрило в наш закрытый город своего агента. И торговые связи ему выделило от своих щедрот. Но пойдем далее. Почему преступная группа так быстро смогла здесь развернуться? Именно потому, что работа с людьми велась формально, для галочки – начальство лагеря воровало в открытую, строило себе загородные особняки, а этого якобы никто не видел. Почему? Почему должностные лица не проявляли элементарной бдительности? Почему прокурор города шлялся в бордель и приобщался там к наркотикам, а этого никто как-бы не замечал? Почему в городе процветало неравенство работников машиностроительного завода и научного центра в бытовом обслуживании? Опять никто не видел? Почему из ЗАТО можно было отправить посылочку с героином или с золотишком куда угодно? Опять никто не знал? В моем материале, переданном в ЦК, специально есть перечень тех, кто посылал отсюда незаконные посылочки на большую землю. И перечень этот далеко не полный. Бездеятельность, самодовольство, пустопорожнее словоблудие вместо дела – вот вам питательная почва, на которой и расцвела малина преступной группы. Оттуда ей помогли образоваться, а тут ей совершенно не мешали.

– Мрачную картину вы нарисовали. Там помогли, тут не мешали ... Все кругом самодовольные болтуны ...

– Далеко не все! Но, к сожалению, многие власть имущие. Вон Назар Захарович сколько рейдов проводил, сколько набегов устраивал на дом терпимости до меня. И организаторам все сходило с рук – его просили не мешать нормальной жизни обычного женского общежития машиностроительного завода. А покровители были такие, с которыми ему спорить было несподручно ... Вы посмотрите, сколько начальников оказалось причастными к этим делам – хотя бы только во внутренних войсках. А если бы мы привлекли к операции внутренние войска, а не десантников, что бы было? Все бы концы были спрятаны.

– А на чем же, все таки, вы их зацепили? По материалам дела мы этого никак не можем установить. Расскажите, если можно, конечно.

– Тут сработала случайность, ускорившая развертывание событий. Один офицер совершил должностной проступок. Можно было не придавать особого значения и спустить все на тормозах, но я попытался установить причину. И раскрутилось – стоило зацепить, как началось такое! Заключение офицера под стражу привело в движение всю систему. Произошла попытка захвата заложника, при этом погибли люди. Потом вооруженное сопротивление в городе – это все вы можете прочесть в материалах горотдела. Ну, а агентурные данные – да, были и есть агентурные данные. И очень интересные и достаточно подробные. На сегодняшний день в материалах дела около трех с половиной сотен фамилий. Это – прямые участники. А косвенных не считали, это дело следствия. Вы знаете, все затронутые ведомства прислали свои следственные бригады.

– А у вас в центре? Многие оказались вовлеченными в преступную группу?

– Упомянутый офицер, хотя и имел отношение к центру, в нашем штате не числился. Seriously вовлечен один человек – хранение наркотиков и еще кое-что. И несколько человек, воспользовавшиеся его услугами для переправки на большую землю золота. Его любовницы. Но со своими, учитывая секретность наших работ, мы разберемся сами.

– А установлено ли наличие – или отсутствие утечки секретной информации из научного центра? С машиностроительного завода?

– Пока таких фактов не установлено.

Свиридов и Брызга вскоре вышли из кабинета, а председатель комиссии партийного Контроля Центрального Комитета долго еще сидел в глубокой задумчивости.

ДНЕВНИК ДАШИ

– Анатолий Иванович, здравствуйте!

– Здравствуйте, Дарья Федоровна. Как ваши успехи?

– Какие там успехи ... Я вот стала записывать про мальчиков, вроде дневника ... Как умею, плохо, наверное ... А Юра ... то есть Юрий Николаевич говорит, надо вам показать. Вот! Только не ругайтесь очень, я как умела ...

– Вы молодец, Дашенька. Ругаться не буду – обещаю. Ваши наблюдения могут оказаться очень полезными. Скоро мальчиков начнут обследовать, вам работы прибавится.

– А это ... не больно? Жалко мальчиков, они такие хорошие!

– Я почитаю и завтра к вам забегу. До завтра, Дашенька.

– До свидания, Анатолий Иванович.

У себя в кабинете Свиридов первым делом открыл переданную ему Дашей тетрадь.

Круглым аккуратным почерком были плотно исписаны листы толстой тетради в клеточку.

«В моей жизни произошли перемены. Из интерната привезли семерых мальчиков – сыновей наших сотрудниц, и я теперь буду за ними ходить.

Мальчики совсем маленькие, хотя им уже по пять – шесть лет, а выглядят как трехлетние. Это по виду. Только они особенные. Мне Полина Олеговна объяснила, только я не все поняла пока. И дневник этот не про меня, а про этих мальчиков – может, потом пригодится.

NN. Их семеро: Саша Кузовенин, Боря Васильев, Сережа Вознюков, Дима Толоконников, Петя Ложников, Вася Самохин и Олег Дзюбановский. Они разные и похожи на своих матерей, но не совсем. Вежливые, аккуратные, очень добрые. Когда Полина Олеговна присматривалась ко мне, я сперва не поняла, зачем это. Но она сказала, что у этих мальчиков отняли несколько лет детства, и новый начальник хочет попробовать вернуть. Мне так жалко их стало, так бы всех обняла бы. А они ласковые и внимательные – чуть что помогают. Даже когда балуются, то слушаются. Полковник Свиридов Анатолий Иванович мне хорошо про них объяснил, и я

теперь вижу, с кем они разговаривают молча. У всех их мам есть кавалеры, и мальчики их знают и отличают. Верно знают они много, чего я не знаю, но не хвастают и не смеются надо мною. Очень любят, когда им рассказывают или читают. Сами уже читают легко и быстро, но любят больше, когда им читают. Еще любят, когда приходит кто из особенных, я их теперь знаю, и обучает их. Как они понимают все эти премудрости – ума не приложу, я-то со своим образованием не понимаю, а они-то совсем маленькие! Но понимают.

NN. У нас все время дежурит кто-нибудь из отряда капитана Воложанина – тот говорит, что это объект охраны. Сам он человек еще не старый, приветливый и уважительный, несмотря на ... Это к делу не относится, это уже не про детей, и писать про это я не буду. И еще все время мне помогают их мамы – то одна, то две, то трое возятся с мальчиками. Они молодцы, потому что ходят за всеми, а не за своими. Я со всеми подружилась, и с мальчиками из отряда Ю.Н. тоже. Они тоже ходят за всеми, а сыновья их симпатий относятся к ним по-родственному. Мальчики Ю.Н. относятся ко мне, как к своей сестренке, поэтому мне с ними легко и с мальчиками они помогают.

Как мальчики обрадовались валеночкам! Не просто обновке, но рады были и благодарили, как новой неизвестной им вещи. Все им надо знать – а как их делают? А из чего? Такие милые любопытные мордочки. А когда Коля Петров подшил валеночки, как они удивлялись – вроде просто, а как удобно! Когда кто из дежурных начинает какое рукоделие, их не оторвешь.

NN. Мои мальчики растут как на дрожжах. Первый день Гриша, сын полковника Свиридова, казался взрослым перед ними, даже сын Полины Олеговны, которого все зовут просто Мальчиком, хотя он Олег, был много выше, а теперь они подравниваются. Я тут писать не буду, а в конце тетрадки перепишу все данные про них – а их взвешивают, меряют, смотрят каждый день. И они не капризничают, вот что изумительно! Сегодня полковник Свиридов спел им песенку про страну Бразилию и про черепах. Песенка веселая, мы все уплясали под нее. Потом мальчики запросили книжки про страну Бразилию и про черепах, и читали эти книжки. Я бы не стала писать, только книжка про черепах была написана на английском языке – и Петя Ложников разобрал текст и прочел всем, и другие тоже понимают. Хотя с ними по языку не занимались. Я с ними только гимнастикой занимаюсь, куда мне больше. Полковник Свиридов обещал, что приедет воспитательница из Москвы, чтобы с ними заниматься, они ни сказок, ни детских стишков не знают. Я помаленьку им рассказываю, что помню, стишки учу с ними, песенки пою. Только я не полковник Свиридов, по ихнему мысленно не умею и мне потом приходится объяснять все, чтобы они поняли.

NN. Сегодня собрались в бассейн, а у меня купальника нет! Вера Ложникова за руку отвела меня в подвал, где всякая одежда, и там намеряла на меня купальник. Вера только кажется грубой, шумит, а сама добрая-предобрая, просто притворяется. У нее кавалер и близкий дружок старший лейтенант Кулигин Никита, так она ему в рот смотрит, только скрывает. В бассейне было много нервов и шума – мальчики Ю.Н. стали учить моих мальчиков по-своему. Мамы благим матом орали на бережку, а я обмирала в воде. Так и хотела отнять и самой на руках по воде пронести. Но все обошлось и мальчики мои поплыли, мамы успокоились, а что купальник у меня был очень наглый открытый никто и не посмотрел. Мальчики сохнуть под кварцем легли не с каждой своей мамой, а кучкой около меня, а все кругом. И послушно переворачивались. И так смешно ныли – просились еще в воду, к мамам с их кавалерами.

Мне тоже хотелось еще поплавать, но я осталась лежать с мальчиками. Когда мы уходили, то встретили полковника Свиридова, и мальчики ему похвастались про свои успехи.

NN. Каждый день узнаю про моих мальчиков новенькое, даже трудно записать. Вот они никогда не соревнуются и не играют – кто первый, кто быстрее. Почему? Бросаем мяч в корзинку, кто быстрее попадет – так они начинают помогать, кто неловко бросает. Наперегонки бегать не получается – бегут кучкой, все вместе, никто вперед не бежит. Гриша Свиридов

рисует с ними – ни разу не слышала, чтобы он говорил, кто лучше рисует. А сам он рисует от бога, какие портреты нарисовал.

На улице мальчики ведут себя смирно, но если с ними начать играть и баловаться – то держись, всю тебя снегом закидают да еще кучу устроят. А потом так заботливо помогут отряхнуться и в тепле раздеться – смех да и только! Я их раздеваю и ругаю, что мокрые, а они мне помогают снять с меня мокрое и тоже на меня ругаются. Сперва я их стеснялась – как ни говори, мальчики, но потом перестала – они с матерями привыкли. Спим в одной комнате, спят они спокойно, только иногда Боря Васильев ночью плачет во сне, а так они очень спокойные. Ночью на горшок встают сами, и если не помогать, то вполне управятся, уже в туалет начинают ходить.

NN. Купаю их каждый день – им нравится. Стала в налитую ванну сажать всех сразу, а потом по одному мылить и споласкивать под душем. Смеются и повизгивают, довольные, как поросятки. Они помогают мыть друг дружку, да еще кто-нибудь из мам придет. Был большой конфуз – я когда мою их, раздеваюсь, чтобы не намочиться, а помогать пришел Коля Петров, дружок Нины Самохиной. Вот мы с ним моем мальчиков, моем, а потом я спохватилась – батюшки, я же раздетая! Хорошо хоть не до гола разделась – лифчик и трусики оставила. А он ничего, ни словом не показал, и никому потом не сказал. Я к дежурным стала относиться как к своим братьям, мало ли какая неловкость бывает. Они ко мне тоже по-родственному относятся, не обижают. Когда я с Ю.Н. гуляю – за детьми посмотрят, и ни смешка, ни ухмылочки.

NN. Полковник Свиридов приходит почти каждый день, или на прогулке с детьми поговорит. Песенку спел нам про Бричмуллу – это кишлак, поселок такой в Узбекистане, около горы Чимган. Там в песне есть слова, которые не для детей – а они все поняли. Это я к тому, что мои мальчики что-то знают про взрослую жизнь. Тут у Гали Вознюковой нелады вышли с Сашей Хитровым, а потом все уладилось и такая она благодатная пришла, такая довольная. А Сережа мне и говорит – у мамы с дядей Сашей все наладилось. Откуда он знает? Или когда Елена Архиповна с ними занимается, всякие там книжки и атласы смотрит – кто ей говорит, что Васе нужно пойти пописать, он может заиграться?

Подружились мои мальчики не только с Гришей Свиридовым, Олегом Ерлыкиным, но и с Владиком Медяковым – он наполовину парализован, на коляске ездит, ему уже почти шестнадцать. Ходят к нему в лабораторию, учатся на компьютере. Меня пытаются научить – и толково так объясняют, я все понимаю.

NN. Гриша Свиридов готовится сдавать в школе экстерном, то есть учит все сам. С ним занимаются и Баранов, и Потапович, и Карцева, и Антонина Ивановна (жена Свиридова), и Худобин – много. А теперь придумали учить их вместе – моих мальчиков и Гришу с Мальчиком. Пока им нравится. Владика на коляске мои мальчики уже вытащили на улицу – как же тот был доволен! А тут еще из Москвы приехал интересный человек Семен Гаврилович Черномырдин и Мальчик привел его к нам. Привел и говорит про то, что Семен Гаврилович попросил у него руки его мамы и он дал согласие, стало быть отдал свою маму Семену Гавриловичу в жены. Где это видано? У маленького мальчика просить руки его матери? Только мне все меньше странного во всем происходящем кажется – почему бы это? Совсем не удивлюсь – хоть и стыдно мне – если мои мальчики знают все про нас с Ю.Н. Не просто, что мы с ним гуляем, а про все-все-все. Сама не пойму – я никому не рассказываю, да и не смогу, а вот то, что мои мальчики могут все это знать – не климатит. Меня куда больше заботит, когда кто из мальчиков начинает слишком прыгать верхом на животе своей мамы или на ее кавалере – как бы не упал, как бы не уронили, как бы не зашибся.

NN. Семен Гаврилович детей любит и очень серьезно к ним относится, и иногда мои мальчики над ним подшучивают. Но как они потом все вместе радостно хохочут. Он с ними разговаривает о музыке, приносит флейту, играет. Вроде бы с детьми говорить не умеет, говорит по-взрослому, а мои мальчики слушают. Я тоже слушаю и понимаю. Глядишь, и музыке

научатся. Надо бы танцевать их научить – все в жизни пригодится. Самой страсть как хочется потанцевать! Мальчики будто поняли и просят в наше кафе – послушать музыку. Глядишь, уговорят – они такие.

NN. Мои мальчики прекрасно разбираются в технике – с компьютером они управляются запросто, а вот животных не видели – только на картинке. Особо я почувствовала сегодня, когда они увидели живую собаку. Патруль с овчаркой зачем-то завернул к нашему корпусу и мальчики собаку увидели. Они сделали стойку совсем как охотничьи собаки делают и тогда овчарка обратила на них внимание. И вырвалась.

Как она вырвалась – не знаю, но тогда я не испугалась, что собака бежит к мальчикам, а мальчики бегут к собаке. Я не могу объяснить, почему я испугалась потом, когда собака уже ушла. Но собака не бросилась на мальчиков, а остановилась и стала вилять хвостом и обнюхивать мальчиков. А они гладили ее и что-то ей говорили. Когда я подбежала они все вместе сидели на снегу и собака давала им лапу. И улыбалась. Коля Петров может подтвердить – он тоже подбежал и видел.

Мальчики говорили что-то про уши, лапы, зубы и собака им показывала то, что они хотели – ей богу! И когда подошли патрульные и позвали ее, она встала и пошла за ними, но она оглядывалась и махала хвостом! А мальчики звали ее приходить еще. Только когда собака и патрульные отошли далеко я увидела, что у Коли пистолет на боевом взводе и он ставит его на предохранитель. И тут я испугалась.

После этого разговору было про собак! Книжки достали про собак, меня спрашивали про нашу собаку.

Хочу пойти к полковнику Свиридову, ведь мальчики ни кошки не видели, ни козы, ни коровы, ни лошади – как такое можно? В городе Москве и то небось и собаки есть, и кошки, и всякие птицы и другие. А у нас тут даже птиц сейчас нет – холодно, зима, а зайцы, лисы, волки, медведи, белки, горностаи – в тайге, они по дорожкам-то не ходят.

NN. Удивительное дело – собака пришла в гости сама. Не увидела бы – не поверила бы ни в жизнь! Она шла спокойно и солидно, и только совсем уж близко побежала, потягивая.»

Дочитав до конца Свиридов протянул руку к телефону.

МОЖЕТ, ПОСИДИМ СЕГОДНЯ В ТЕПЛЕ?

– Может, посидим сегодня в тепле? – сказала вечером Воложанину Даша, и добавила, смущаясь, краснея и опуская глаза, – Целоваться-то на морозе плохо ...

Они вместе проверили уснувших мальчиков и вместе вошли в комнату свиданий. Прямо у двери Даша коротко поцеловала его и задвинула щеколду.

– Ой, Юрий Николаевич, что же это вы со мной делаете! Чтобы девушка да сама дверь замкнула, чтобы не помешали – ну, уж это просто я не знаю что ...

– Даша, а тебе не кажется, что это нормально? Ты считаешь, что сделать нужно именно так, и все. Такая ты мне нравишься еще больше!

– А я вам нравлюсь, Юрий Николаевич? Взаправду?

– Взаправду. А я тебе?

– Что уж тут спрашивать ...

Сидя рядом целоваться было не очень удобно, и сперва он повернулся к ней и обнял ее за плечи, потом она развернулась к нему.

– Интересно, а как другие целуются? – она встала и одернула платье.

– Как это как?

– У вас же были ... женщины, с которыми вы целовались? Как они целовались?

– Женщины-то были, верно ... Но так сладко, как ты, никто не целовался.

– Уж будто бы!

– Дай проверю!

Даша наклонилась к нему, подставила губы, а потом села к нему на колени, обняла горячей рукой за шею.

– Никак не пойму, что это со мной такое ... Ведь сама к тебе на колени села, никто не толкал ... Стыд и срам! – шептала она ему на ухо, – А мне не стыдно ... Объясни, почему?

Воложанин гладил ей плечи, спину. Его руки опускались все ниже, но Даше это не казалось нескромным. Она устроилась поудобнее у него на руках, и когда его рука коснулась ее колена, она не замерла, а даже сделала движение навстречу его руке.

Сидеть у него на руках и целоваться было очень приятно, и Даша даже подумала, что опытная Валька такого блаженства не знала.

Положив голову ему на плечо Даша наблюдала, как его рука путешествовала по ее ноге от щиколотки вверх, до колена, и потом еще чуть-чуть вверх. Она внутренне замирала и ждала, когда же его рука ... но рука поднималась до края чулка, нахально выставившегося из-под платья, и останавливалась ...

– Юра, Юрочка, милый ты мой ... Как мне с тобой хорошо ... Расскажи еще про своих родителей, уж очень хорошо ты про них рассказываешь ...

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

На этот раз Воложанина не было несколько дней и Даша, сама того не замечая, стала даже нервничать и думать – а не случилось ли там чего-нибудь.

Но он появился, правда довольно поздно, когда спали не только мальчики, но и сама Даша. Она проснулась от его взгляда. Он просто стоял рядом с ее кроватью и смотрел на нее.

Даша открыла глаза, увидела его и улыбнулась. Первым ее движением было протянуть ему руки, чтобы он нагнулся и поцеловал ее, но она застеснялась, застыдилась своих оголенных плеч, но не закрыла их, а прошептала.

– Иди, я сейчас ... – она встала, накинула халатик и вышла к нему.

Они обнялись прямо в коридоре.

– Я совсем еще не проснулась, – сказала Даша, уткнувшись носом у него за ухом. – Как у тебя дела?

– Нормально. А у тебя?

– Я скучала без тебя ... Если хочешь, пойдем погуляем. Только я оденусь ...

– Я с дороги, две ночи не спал, устал, как бобик. Посидим немного?

– Давай ...

Они устроились на диване. Даша прикрыла халатиком голые ноги и прислонилась к нему.

– Знаешь, я все еще сплю и ты мне только сносишься, – она положила голову ему на плечо. – Вот так совсем хорошо, снись мне дальше ...

Он взял ее руки, погладил их и поцеловал, а она стала рассказывать обо всем, что произошло за его отсутствие. Но голос ее становился все тише, глаза закрывались.

– Дашенька, да ты заснешь сейчас!

– Я сейчас ... – она придвинулась поближе и удобнее пристроилась у него на плече. – Я ... сейчас...

Воложанин отнес Дашу в спальню, снял с нее халатик и уложил ее в кровать.

– Ты снись мне дальше, – улыбнулась она ему с закрытыми глазами.

День был светлый, погожий, хотя солнца, как всегда, видно не было. Но мороз немного спал и ребяташки с удовольствием катались на санках с горки. С ними вместе и с неменьшим удовольствием катались Зина и обе Веры, а Даша стояла в сторонке.

– Дарья Федоровна, здравствуйте.

– Здравствуйте, Юрий Николаевич. Ну, никак не могу привыкнуть, что вы вот всегда так ... незаметно ...

– Не пугайтесь, прошу вас ...

– Я и не пугаюсь ... Чего пугаться-то ...

Они медленно пошли рядом.

– Я хотел сказать вам, Дарья Федоровна ...

– Так скажите, Юрий Николаевич ...

– Я так много думаю о вас ...

– А я спросить вас хотела ... Вчера я заснула прямо ... Вы меня в кровать уложили ...

Как вы меня укладывали?

– Вы так спать хотели, что было грех вас ... разгуливать. Я и уложил вас.

– Какая жалость, что я спала и не видела ... не чувствовала, как вы это делали ... Развязали поясок на моем халате?

– Развязал.

– Сняли халат?

– Снял.

– Ой, мама!.. – Даша искоса поглядела на него, но не смущенно, а улыбаясь, – Дальше что делали?

– Посадил на кровать.

– Дальше.

– Снял тапочки.

– Дальше ...

– Уложил на подушку. Укрыл одеялом.

– И не поцеловали?

– Поцеловал.

– Один раз?

– Несколько ... в разные места.

– И в какие же? Сознавайтесь!

– Коленки поцеловал. Плечи поцеловал. Щеки.

– Мне все это снилось ... А еще снилось, что вы рядом со мной лежите ... – тут Даша не выдержала, немного смутилась, и мельком взглянув на него добавила, – И что я вас обнимаю ...

– Дашенька, да это же ... Мне тоже снилось, что ты рядом, и что ты обнимаешь меня!

– Вот видишь ...

– Дарья Федоровна, я хочу сказать ... Я хочу сделать вам официальное предложение ... Давайте спать в одной кровати, будьте моей женой. Пожалуйста ...

– Да, Юрий Николаевич, задали вы мне задачу, – начала было Даша, но не выдержала, – Юрочка, милый, да хоть сейчас! Давай скорей поженимся, нет никакой мочи больше!

Она повернулась к нему, готовая тут же обнять и расцеловать его, но, увидев мальчиков на санках, остановилась.

– Даже поцеловать тебя сейчас неудобно ... Милый мой!

Гриша рисует

ТОНЯ ЗАНИМАЛАСЬ ГИМНАСТИКОЙ

У Гриши было вдоволь свободного времени, и он рисовал каждый день.

Но показывал свои рисунки он избирательно – что-то показывал Тоне, что-то – отцу, а некоторые не показывал никому.

Бывало, что он доставал давно выполненный рисунок и советовался с Тоней или с отцом, если ему рисунок казался недостаточно точным. Такие случаи бывали тогда, когда Гриша считал нарисованное не в полной мере отвечающим его требованиям к портрету.

Иногда Тоня – или отец – не могли уловить, что же именно не устраивает художника, но практически всегда Гриша переделывал портрет ...

Тоня занималась утренней гимнастикой на балконе.

Гриша не рисковал и занимался в комнате у открытой двери на балкон, а Свиридов устраивал пробежки по расчищенным дорожкам на улице, наводя ужас на редких встречаемых своим голым торсом – все-таки минус 25 градусов, хотя и небольшой по здешним местам морозец.

К его приходу с улицы Тоня и Гриша уже успевали освободить душ, и он умывался и выходил к столу с мокрой головой.

– Доброе утро!

– Доброе утро, милый!

– Доброе утро, папа!

Часы можно было не проверять – они показывали ровно семь часов утра. Правда, это бывало не всегда – чаще Свиридов просыпался еще раньше и уходил, оставляя Тоню и Гришу в сонном состоянии.

– А ведь сегодня праздник.

– Что? Какой праздник, Тоня? Чей-нибудь день рождения?

– Нет, Гриша. Сегодня три месяца, как мы сюда приехали. Ешь, не отвлекайся.

– Верно, Тонечка, сегодня три месяца, – задумчиво сказал Свиридов. – Подумай только – уже три месяца ... Еще только три месяца ...

– И ты очень много сделал. Да, много. Пусть не все видно, или видно совсем не то, что нужно и важно. Ты у нас молодец. Правда, Гриша?

– Ну, какие могут быть сомнения?

СПРОС НА МАЛЬЧИКОВ

На мальчиков был большой спрос – Даша это специально отметила в своем дневнике. Сперва к ним пришла знакомится Оля Петрова, старший лейтенант из отряда капитана Воложанина. Вернее, сюда ее привел знакомится Андрюша Васин.

Ольга вошла к детям без своих темных очков и сразу позабыла свои страхи и опасения – мальчики не стали обращать внимания на ее шрамы, и только потом, когда и она, и мальчики освоились и Дима уже сидел у нее на коленях, он осторожно коснулся пальцами ее лица.

– Тебе не больно? Мне можно погладить? – спросил он.

«Дьявольщина какая-то! – подумала Ольга. – То же самое и теми же словами!»

Это было при их третьей – или четвертой? – встрече в лесочке около института – ВВ еще даже за руку ее не брал, а вот так же коснулся шрама на лице и сказал то же самое ...

Потом пришел Свиридов с ужасно любопытной женщиной по имени Ангелина Митрофановна. Она всему удивлялась – и тому, что мальчики без труда освоили ее имя и отчество, и как легко они могли складывать и вычитать, и как читали на русском и английском языке. А потом она ужасно удивлялась, что мальчики могут разговаривать мысленно и даже узнавать, про что такое она сейчас думает.

Потом Ангелина Митрофановна играла с мальчиками в какую-то странную игру, когда мальчики рисовали то, что она им называла, а потом надо было вспомнить по рисунку, что именно она называла.

Когда Сережа ей сказал, что эти тесты на ассоциативное мышление слишком примитивны, она опять очень удивилась и согласилась с ним, и они эту тему очень дружно обсудили и решили, что надо будет подобрать что-нибудь поинтереснее ...

А когда Даша забирала у Суковициной свой дневник про мальчиков, то узнала, что Свиридов интересовался лошадьми, которые есть в городе.

РАБОТЫ ПО МИНИРОВАНИЮ ВЫПОЛНЕННЫ

– Командир, все работы по минированию корпуса интерната выполнены полностью. Линии проверены. Все замаскировано. Арестованные переведены туда, сидят в камерах – кроме Оратынцева. Камеры одиночные, Шипук сидит далеко от остальных. Для подъезда ко входу проложена новая дорога, дорога накатана, старая со стороны центра засыпана снегом. К подрыву все готово, взрывники дежурят постоянно.

– Хорошо. Думаю, генералы придут завтра. Всем быть в боевой готовности. Больше двух человек охраны с каждым из генералов я туда на территорию не пущу, исходите из этого ...

ГРИША ПОКАЗЫВАЕТ РИСУНКИ

– Гриша, на рисунки-то времени хватает? – Скворцов наконец выбрал время.

– Хватает. Мы еще с Тоней занимаемся музеем памяти, я портреты рисую. Вот, посмотри – узнаешь?

– Ты знаешь, мне очень нравится ... А это? Ты с натуры рисовал?

– Нет, они все умерли ... погибли.

– Но как же ты мог передать ... как ты мог увидеть ... Тьфу, не знаю, как сказать! Как ты мог нарисовать их мысли? Они же мыслят, они думают, они ... они живые!

– Тут есть папин тезка, он здесь с самого начала и всех знает. Он тоже удивлялся, как я мог нарисовать их такими похожими. Я думаю, что это не совсем так.

– Что – не так? Они не похожи?

– Да, они не похожи. В фотографическом смысле. Они больше похожи на воспоминания о них. Здесь больше изображено то, что о них рассказывали другие – те, кто их знал.

– А кто эта красавица? Нет, правда, она изумительно красива ... она по ту сторону смерти? Ты это рисовал? Но подожди, еще ...

Виктор всматривался, отворачивался, крутил головой.

– Никак не пойму ... Но она же говорит мне! Что!? Она ... ждет ребенка!?

– Эту женщину любил дядя Саша Баранов. Она погибла. Осталось несколько фотографий, старых, когда она училась в университете. Я боюсь показывать это дяде Саше и Лене Карцевой ... Не могу ...

– Гришка ... Ты же гений! Я не знаю, похожа она или нет, но это великолепная работа!

– Папа тоже так сказал. Он знал ее. Ее звали Василиса ...

Некоторое время Виктор рассматривал рисунки молча.

– Ты молодец ... А это? Стой, я их видел!

– Да, ты их видел в кафе – это мои названные тетки. Папа с ними побратался и теперь они ему названные сестры. Это у них мальчики ... особенные. Ладно, так и быть – посмотри мальчиков.

Гриша достал еще одну папку и вывалил на стол ворох рисунков. Скворцов взял наугад – на листе было несколько незавершенных набросков разных мальчишечьих лиц. Они все были

как живые – они играли, читали, слушали, говорили, но всех их объединяло одно общее выражение лиц. Они думали, они мыслили, они жили – и все по разному, по своему.

– Гриша, но ведь это же чудо какое-то! Они же все у тебя живые!

– Да ладно ...

– А своих ты рисуешь – отца, Тоню?

– Рисую ... Я тебе потом покажу ... Мне почему-то их труднее рисовать ... Мне зарисовки легче даются ... Вот, смотри. Это на установке. Сварщики, монтажники. Тетя Лена Долгополова. Михеич. Ты знаешь, мы к нему ездили в баню попариться. Вот его жена, тетя Маша. Вот дочка их, Аришка. Вот их пес – серьезный такой зверь по имени Дизель ...

Гриша еще долго показывал Скворцову свои новые рисунки, выбирая и откладывая в сторону некоторые из них. И когда пришла Тоня Гриша аккуратно уложил свои папки.

– Он и мне далеко не все показывает. – шепнула Тоня Скворцову. – Никак с Толей не можем уговорить его выставку устроить. Помог бы ...

ИВАНИЩЕВА и УМАРОВ

– Эрнест Умарович, мне нужна ваша поддержка.

– В чем дело? Вы чем-то расстроены, Ангелина Митрофановна?

Чуть заметный акцент Умарова превращал имя и отчество Иванищевой в нечто мягкое и ласковое.

– Это мягко сказано. Я полностью деморализована. Этот мальчик, ему нет еще шести лет, и он обсуждает со мной психофизические тесты! Это со мной, доктором наук, профессором – и как обсуждает! Да ладно бы обсуждал – он понимает сущность этого теста не хуже меня! Вы можете это себе представить?

– Могу, Ангелина Митрофановна. Я с подобным мальчиком столкнулся еще два года назад.

– А я, доктор наук, профессор ... Да я чуть в обморок не хлопнулась как зеленая первокурсница в резекционном кабинете, когда он стал со мной разговаривать об этом ...

– Не слишком ли часто вы упоминаете свои титулы? Я их помню. Надеюсь, вы не очень показывали им свое волнение?

– Я старалась держаться. Спасибо, Эрнест Умарович, поплакалась вам, полегче стало. А то кроме вас мне поплакаться-то и некому ...

– Моя жилетка всегда к вашим услугам.

– Поможете мне прикинуть стратегию обследований?

КАК СЧАСТЛИВЫ БЫЛИ МОИ СТАРУШКИ

– Лео, ты не представляешь, как счастливы были мои старушки! Вчера привезли рояль, сегодня его настроили ...

– Да ты ешь!

– Я ем. А потом приехали Семен Гаврилович Черномырдин с Олегом и Дмитрий Германович Лопаткин ... Это правда, что он доктор наук?

– Правда, правда. Ешь, пожалуйста.

– Я ем, ем. И Лопаткин стал играть на рояле. Это было что-то потрясающее! Мои старушки его окружили, потом мы принесли стулья ... Он играл бесподобно.

– А мальчик?

– Что – мальчик? Олег сидел около Черномырдина.

– Они держались за руки?

– Кажется ... А что?

– Лопаткин один играть не может. Просто не может играть сам по себе. Играет Мальчик с Лопаткиным. А тут, видимо, и с Черномырдиным.

- Ты хочешь сказать, что этот мальчик ... индуцирует то, что играет Лопаткин?
- Примерно, хотя на самом деле это, видимо, значительно сложнее. Это сложное взаимодействие.
- Но Свиридов играет и поет и без Олега?
- Конечно. И Лопаткин с ним играет. Но с Мальчиком – лучше.
- Значит, нужно будет попросить Свиридова ... А мои старушки так аплодировали, так их благодарили! Просили приходить еще.
- Ты будешь есть, наконец?
- Лео, не сердись. Я и так достаточно толстая. А мне пришла одна интересная мысль – как бы устроить танцы? Мои старушки еще совсем не так стары ... Как ты думаешь?
- Думаю, что ты права. И посоветуйся со Свиридовым.
- И даже такие вопросы решает только он?
- Ты не совсем правильно поняла. Во-первых, действительно, здесь все решает только он, и, возможно, это правильно. А во-вторых, это не так-то просто – найти кавалеров для твоих старушек. Не всякого мужчину можно туда пригласить. Они ведь многих помнят – кто знает, что произойдет, если увидятся старые знакомые. Не исключено, что каждый из них уже считал другого умершим ...
- Об этом я не подумала. Ты совершенно прав, мой милый Лео ... И еще меня очень беспокоят мои беспамятные старушки ... У них идет какая-то скрытая умственная работа, непонятная для них самих ...

ВИТЯ, ЭТО ДЛЯ ТЕБЯ

- Витя, это для тебя.
- Свиридов поправил гитару.

Лунный свет над равниной рассеян,
Вдалеке ни села,
ни огня.
Я сейчас уезжаю на север -
Я спешу,
извините меня.
На холодных просторах
великих
В бесконечные дали маня
Поезда
Громяхают на стыках...
Я спешу,
извините меня.

Незатейливая мелодия, простые слова, негромкий голос.
Он так мягко извинялся за причиненное беспокойство, за звонок ...

Говорю вам,
Как лучшему другу,
Вас нисколько ни в чем не виня,
Соберитесь на скорую руку -
Я спешу,
извините меня.

Такое возвышенное волнение было скрыто в этих словах, такая страстная надежда быть понятым ...

Не хотите?
Ну, что вы, ей богу...
Тихо дрогнули
Рельсы, звеня.
Хоть присядьте
со мной
на дорогу -
Я спешу,
извините меня...

Растерянность, неуверенность, горечь невозвратимой утраты...

Может быть,
Вы расклетесь где-то
Посреди
Отдаленного дня,
Может быть,
вы припомните это:
«Я спешу,
извините меня».
Жизнь прожить
Захотите сначала
Расстоянья и ветры
ценя...

Но как поменялся человек, поменялся голос. Стал жестким, уверенным, непреклонным.

Вот и все.
Я звоню вам с вокзала.
Я спешу.
Извините меня.

Все кончилось. Он так решил.
Осталась только суховатая вежливость просто знакомого с ней человека.
И жалость к ней, к той, которая, скорее всего, проморгала самое главное в своей жизни.
По крайней мере, его жизнь ей уже больше не принадлежит.

Вот и все.
Я звоню вам с вокзала.
Я спешу.
Извините меня.

И это был уже совершенно другой человек, решительный и целеустремленный.
Он был уже не здесь, а где-то там, далеко ...
Мелодия распалась и снова возродилась, и все пошли танцевать.
Гриша пригласил на танец Дину.

Она не удивилась – Гриша танцевал часто и не только с Тоней, но и с другими женщинами.

– Молодой человек, вы отменно танцуете! – удивилась Дина тому, как сильно и уверенно Гриша вел ее.

– Вы тоже совсем неплохо танцуете, тетя Дина. Интересно, как вы танцуете модные танцы типа рока и твиста ...

– Возможно, когда-нибудь увидишь ... Хотя я уже столько времени их не танцевала ... Что ты меня разглядываешь? У меня что-нибудь не в порядке?

– Не волнуйтесь, все хорошо. Я просто приглядываюсь, хочу вас нарисовать.

– Я столько слышала о твоих рисунках ... Но еще не видела ...

– Что же вы остановились? Вы ведь хотели сказать – покажи мне?

– Мне иногда приходится выбирать ... выражения.

– Выражения приходится выбирать всем, но не до такой же степени.

– А до какой, молодой человек? Что вы знаете обо мне?

– Все.

– Как это все?!

– Да так – все. Все есть все. Нет, ну, конечно, я не знаю всяких мелочей ...

– И ты не боишься ... общаться со мной?

– Дура ты, как сказал бы мой папа. Но мне так говорить нельзя, и я поэтому говорю, что вы просто неправы.

– Ты хороший сын и приятный молодой человек ... Ты хотел просить меня позировать тебе?

– Возможно. Только попозже, не сейчас. Мне нужно сперва приглядеться, я не могу сразу работать с натурой.

– Я готова тебе позировать. Скажи, когда будешь готов.

Гриша отвел Дину на место, подвинул ей стул.

– Я благодарю вас за доставленное удовольствие, – он наклонил голову. – Спасибо, Лев Вонифатьевич.

– Интересный мальчик, правда?

– Я бы сказала – интересный молодой человек.

– Даже так? Я ревную!

– Милый Ле-ва!

– А меня сегодня отругал Свиридов. Почему я не привожу тебя в бассейн. Намекнул, что иначе пригласит тебя сам.

– Ах, Ле-ва! С тобой – куда хочешь, можно и в бассейн!

ЗАЯВЛЕНИЕ НА ЖЕНИТЬБУ

– Юра, я написал заявление. Наверное, надо передать командиру?

– Давай, посмотрю. Жениться надумал? Поздравляю.

– Нам надо побыстрее. Нина беременная. Третий месяц.

– Понял. Я тебя понял, Коля. Ты молодец, настоящий мужик. Поздравляю вас с Ниной и желаю счастья. Ты первый принес заявление, но не последний. Поговорим вечером, ладно?

Вечером собрались почти все офицеры, по крайней мере, все заинтересованные лица.

– Мужики, есть разговор. Сели тихо.

Капитан Воложанин выждал и продолжил.

– Николай Петрович подал мне заявление с просьбой разрешить ему жениться на Самохиной Нине Павловне.

– Ну и молодец!

– Глянь, всех обогнал!

- Тихо. Я так понимаю, что у него появятся последователи. Или я неправ?
- Прав, командир, прав. Давайте, ребята, кто созрел. Напишем?
- Так. Поднимите руки, кто из вас созрел. раз, два ... семь человек. Нормально.
- А ты что руку не поднимаешь, командир? Аль не созрел?
- Созрел. Поднимаю.
- Вот и славненько! Восемь свадеб зараз – это же убиться можно!
- Точнее – упиться ... Так писать, командир? Ольге надо сказать ...
- Да она уже все поняла, не слепая ... А к Свиридову тебе идти, командир. Ух, и будет тебе!
- А что? Что будет-то? Или Свиридов сам слепой? Он, что, никого из нас не видел вечером на прогулке? Или не заметил, что комнаты свиданий не пустуют?
- Все, мужики. Кончилась ваша холостая жизнь!
- Ишь, завистник нашелся! Глядеть надо было вовремя, не прозевал бы. А таких, как наши, хрен найдешь. Дайте мне бумагу и ручку, я писать буду!

РЫБАЧКОВ и ДЖУБАНОВСКАЯ

- Толенька, милый ... А Олег только о тебе и говорит ... чуть что – все дядя Толя да дядя Толя ...
- А ты? – Рыбачков поцеловал Джубановскую.
- А что я? – ответила поцелуем она. – А я тоже ...
- Она придвинулась к нему еще ближе и обняла за шею. Его руки гладили ее спину. Ее рука робко пробралась под куртку и несмело прикоснулась к груди Рыбачкова.
- Я тебя люблю, Лера ...
- И я тебя ...
- Его рука осторожно спускалась по спине вниз и тело женщины отвечало на эту невинную ласку нетерпеливым подрагиванием. Рука опустилась до талии, потом ниже, потом перешла на бедро. Рука женщины гладила его грудь, а губы искали его губы.
- Ты знаешь, сегодня ребята писали заявления ...
- Заявления? О чем?
- С просьбой разрешить жениться ...
- На наших девочках? А ... ты?
- Я тоже написал. Прости, не спросил тебя, хочешь ли ... согласна ли ты.
- Милый Толенька ... Ты же видишь – я согласна ... – и ее рука расстегнула пуговицу его куртки, которая мешала ей проникнуть поглубже ...

ПРИЛЕТЕЛИ ТРИ ГЕНЕРАЛА

- Привет, Свиридов.
- Привет, Назар. Что нового?
- Прилетели три генерала. Остановились на нашей квартире. Главный хочет тебя видеть. Конфиденциально. – Брызга старательно выговорил это длинное и необычное для него слово.
- Когда?
- Попозже.
- Чем занят гость московский?
- Собирается почитать материалы. Ему передали перечень – тот ... Про Шипука спрашивал. Я отвечал, что он всецело у тебя и никакой связи у меня с ним нет.
- Сколько народа привез с собой?
- Немного, но двое – чистые уголовники.
- Передай главному, что мы ждем визита и к нему готовы.
- Понял. Передам. Бывай.

МАЛЬЧИКИ СМОТРЯТ РИСУНКИ

– Тетя Даша, можно нам пойти в гости к Грише? Он позвал нас посмотреть свои рисунки. Он их не показывает никому, а нам хочет показать.

– А мне можно с вами пойти?

– Тетя Даша, я тебе потом отдельно покажу, ладно?

– Ладно, Гриша. Договорились.

Мальчики гурьбой переместились в номер Свиридовых.

– Это папина комната, – объяснил им Гриша. – Мы с Тоней спим в другой. А тут я только рисую, а всякие другие дела я делаю там, у нас в комнате. Одна тумба в столе – моя, а другая папина.

Он достал из тумбы стола несколько больших папок с завязочками, начал развязывать. В гостиной тем временем с книжкой в руках пристроился дежурный – старший лейтенант Подлеснев.

Гриша выложил целую кипу листов.

Дима осторожно взял верхний лист.

На рисунке молодая женщина склонила голову и осторожно приложила пальцы к своему большому животу. Веки ее были опущены – то ли она смотрела на свой выпирающий живот, то ли просто отгородилась от окружающего мира. Лица ее почти не было видно за спустившимися волосами, но оно было так красиво и все светилось внутренней радостью, и она так нежно и ласково касалась своего живота.

– Она беседует со своим ребенком ... Гриша, откуда ты знаешь, что мама может разговаривать со своим ребенком? Ты мог разговаривать?

– Что ты, я не помню.

– А я помню. И мы все – помним. Наши мамы иногда разговаривали с нами, хотя они и не знали, что мы их понимаем. Мы это помним до сих пор. А если приложить руку в маминому животу, то можно разговаривать и другим.

– Правда? Значит можно поговорить с любым ребенком еще когда он не родился? А как он ответит?

– Ответить он может только маме, но свои чувства ребенок может выразить движением ... Когда станет побольше. Вот у тети Нины он пока еще так не может ...

– Но мама считает, что дядю Колю он уже узнает, – сказал Вася. – Мама мне говорит, что ему очень нравится, когда с ним дядя Коля разговаривает.

– Но как же ты смог это нарисовать, если не знаешь, что ребенок разговаривает?

– Я не знаю.

Гриша показал свои рисунки для музея памяти.

– А вот с этим дядей моя мама работала, – узнал по портрету Дима. – Она помнит его. Она так его боялась сперва, когда начинала работать... она часто ошибалась ... Они потом с моим папой ... с настоящим моим папой придумали усовершенствование, которое теперь есть на всех установках. Это такой прибор на пульте, они его называют «люпус» ...

В ГОРОДЕ НАЧАЛИ РЕМОНТ

Безлюдные деревенские улочки на окраине города, где жили в основном вольнонаемные работники научного центра, оживились.

Сперва по ним прошли снегоочистители и занесенные снегом промежутки между рядами домов с извилистыми узкими тропинками стали похожи на улицы.

Затем по этим расчищенным улицам начали ездить грузовики со строительным материалом и у некоторых домов появились штабели бревен и досок. За ними пришли строители – у наиболее ветхих домов закипела работа. А от самого конца, от опушки леса электрики начали

тянуть по столбам новые провода и черный кабель. И от этого кабеля к каждому дому шел отвод из такого же черного блестящего кабеля – оказалось кабельное телевидение.

Каждый день приезжал быстрый и деловой человек из научного центра, и приезжал он в разное время, и рабочие не знали – когда ждать проверки, а когда можно расслабиться.

Но уже ходили жуткие истории про уволенных бездельников и наказанных лентяев.

А еще многим понравилось, что можно чинить дом самим – давали любые материалы и оформляли отпуск со среднесдельной оплатой!

Строители-то были свои, местные и нередко хозяева трудились вместе с ними, укрепляя и подновляя свое износившееся жилище.

А автобус, отвозивший местных жителей на работу в научный центр и привозивший их обратно, теперь доезжал до самого края поселка, до опушки леса, а не ждал всех на краю городской застройки, откуда начинались деревенские домики.

СУКОВИЦИНА ГАЛИНА

– Василий Андреевич, Суковицина Галина ...

– Да ... Да ...

– Я сейчас с диктофона распечатаю и вам принесу ... Поручения Свиридова всех касаются – и штаб, и снабжение, и УКС, и Евменова. Отдельные поручения по отделу медико-биологических проблем под руководством Иванищевой ...

– Еще командующий просил вставить в план работы штаба отчеты Цесаревского и Валева по вопросам «сотки». Срок – два дня ...

– Да что вы, Василий Андреевич, я сама забегу, принесу ...

ДАША и ВОЛОЖАНИН

Каждый раз, когда Воложанин уезжал, Даше казалось, что время тянется очень медленно. Вот и на этот раз – Воложанина не было всего-то один день, а она соскучилась, как-будто не виделась вечность. Он увидел ее днем мельком и только успел шепнуть, что придет вечером часам к десяти.

Даша не могла дожждаться вечера. Выкупав и уложив с помощью Ольги детей, она стала собираться на свидание. Ольга вышла к дежурному, чтобы не мешать ей.

Даша открыла шкафчик и стала выбирать из своего небогатого гардероба, чтобы бы такое ей надеть.

«Нет, гулять сегодня не пойдем. Посидим ... Ой, мамочка! Знали бы вы, о чем думает ваша дочка! А дочка думает, как ей одеться, чтобы ему было удобнее ... ласкать ее ... Ему? Нет, чтобы ей было приятнее от его ласк ... Чулки – это хорошо ... Трусики. Лифчик, а какой? А вдруг он сегодня ... А может ...»

Она достала кофточку, которую никогда не носила и неизвестно зачем она вообще оказалась в ее шкафчике.

«Очень нахально будет? Куда уж наглее ... А почему? Вот возьму и надену, и вообще ... Интересно, я могу сколько угодно гулять с ним по улице, и мне хорошо и не скучно, а ведь там он меня не ласкает ... А в комнате он меня ... ласкает, и мне тоже очень хорошо, и бывает так жаль отпускать его ... И то, что я балдею от его рук, не мешает нам разговаривать ...»

Воложанин ждал ее как обычно за приоткрытой дверью комнаты свиданий. Даша вошла, задвинула задвижку и сжимая руками ворот халата осталась у двери.

– Что, Дашенька? – Воложанин встал и подошел к ней.

– Юрий Николаевич, что же вы со мной сделали ... Что же вы сделали со мной ... Я стала ... даже не знаю, какой я стала бесстыжей ...

Даша распахнула халат, сбросила его и осталась в темной совершенно прозрачной кофточке, надетой на голое тело. Ее крепкие груди в такт ее быстрому дыханию поднимали невестомую ткань, темнели пятна сосков ...

– Вот ... Ты видишь, какая я пришла ... Потому что хочу, чтобы ты ... – она обвила его шею руками и жадно прильнула к его губам.

Потом она немного отстранилась, давая возможность его рукам переместиться со спины вперед. Конечно, она не ожидала, что он начнет щипать и выкручивать ей груди, но он с такой бережностью и осторожностью коснулся их, что у нее остановилось дыхание.

Его ладони нежно охватили их снизу, пальцы гладили и ласкали их, а когда пальцы добрались до сосков – Даша почувствовала такую слабость, что была вынуждена опереться о его руки.

– Милый мой ... Родной мой ... Ну, объясни, почему мне так хорошо ... Почему мне ни капельки не стыдно ...

Даша закинула руки за голову, нашаривая застежку, грудь ее поднялась и такую нежность и сладость вызвали его руки, что она даже застонала. Сбросив через голову кофточку, она уселась к нему на колени, закрыла глаза и откинулась, чтобы ему было удобнее целовать ее.

– Юрочка, родненький ... Милый ... Почему мне так хорошо с тобой ... Я хочу все ... Я все хочу ... Почему ты не ласкал меня так раньше?

– Если все сразу – то что же на потом останется ... И женится я хочу на девушке, чтобы все было, как полагается – и первая брачная ночь и все прочее ...

Он то целовал ее торчащие соски, покрывал поцелуями ее налитые груди, то целовал ее жадные губы ... Даша накрыла его руки, ласкающие ее груди, своими, и оторвалась от его губ.

– Юрочка, милый ... У меня терпения не хватит, женись на мне поскорее ... Не то я в следующий раз голая приду и устрою такую брачную ночь ... безо всяких там формальностей ...

– Завтра иду к командиру с заявлениями ... И с моим тоже.

– Правда? Ой, страшно ...

– Чего? Тебе разве плохо со мной?

ТЕТЯ ЛЕНА, ПОКАЖИ МНЕ «ЛЮПУС»

– Тетя Лена, покажи мне прибор, который называется «люпус».

– Пойдем. Откуда ты знаешь про «люпус»? Это только старые операторы его так называют.

– А тетя Вера Толоконникова – старый оператор? Она же совсем не старая.

– Старый – не значит старый человек. Старый оператор – это опытный оператор, давно работает. Вот, смотри, вот этот прибор мы называли «люпусом». Видишь, тут две стрелки, а тут окошечки с огоньками. Там светодиоды стоят, они показывают, на каком диапазоне ты работаешь и в какой части диапазона. А вот этой ручкой ведется настройка, а вот так переключаются диапазоны.

– А этот прибор – он всегда такой был?

– Странно, – с удивлением посмотрела на Гришу Карцева. – Откуда ты можешь знать такие вещи? Очень давно, когда мы еще только начинали работать, прибор был не такой и регулировать было трудно. Переходить с диапазона на диапазон плавно не удавалось. А потом прибор переделали.

– А ты знаешь, что это придумали Вера Толоконникова и отец Димы?

– Это тебе Дима рассказал?

– Да. А как выглядел этот прибор тогда, раньше?

– Дай вспомнить ... Вот эта шкала была такая же, только стрелка была одна ... Здесь ничего не было, включенный диапазон индицировали лампочки около переключателя ... Да, и прибор был расположен вверх ногами!

– Вверх ногами? Почему?

– Когда делали щит, то еще не знали, что оператору будет удобнее следить вот за такой шкалой. Да, еще была одна модель – там лампочки диапазонов были над шкалой!

ДАША и ВОЛОЖАНИН

– Тебе разве плохо со мной?

– Глупый! Я даже объяснить не могу, до чего хорошо! Смотри, как им хорошо ...

Даша наклонила голову и его пальцами погладила свою грудь, соски.

– Неужели не чувствуешь, как я обалдеваю от этого?

– Будто я не обалдеваю ...

– Правда, милый?

Она вытянулась у него на коленях.

– А как ... мне ... тебя ... ласкать? Ведь тебе тоже нужно, чтобы я тебя ласкала? Где?

– Ну, ну, ты не очень ... Если еще ты меня начнешь ласкать так, как я тебя ласкаю, то мы уж точно устроим первую брачную ночь прямо сейчас ...

Даша сняла его руку со своей груди и положила на ногу, и придвинула согнутую ногу ему поближе.

– Я хочу там ...

Он начал снизу, нежно прошелся пальцами по голени, погладил колено, стал подниматься выше. Но пальцы его остановились и не пошли выше резинки чулок.

– А если бы я была без чулок, что бы ты делал? Где бы остановился?

Даша засмеялась, потом наклонилась и стала снимать чулки. Справившись с обоими, она опять откинулась на край дивана.

– А теперь? Ой, только не щекотись!

Пальцы его опять стали подниматься по внутренней стороне согнутой ноги и вновь остановились там же.

– Как это ты определил?

– Так тут же меточка от резинки ...

Она глянула вниз, на его руку, охватывающую ее полную ногу, и тут только заметила, что ему давно были видны ее трусики под задранной юбкой.

– Ой, Юрочка! Прости, ради бога! Я совсем не заметила ... – она хотела одернуть подол, но только ткнулась лицом ему в шею.

– И чего ты не заметила?

– Тебе видно ... трусики ... Прости меня, дуру распушенную ...

– И не проси – все равно не прощу ... Очень приличные трусики, по-моему ... Беленькие такие ...

– Если не сердишься – то почему ... выше ... меня ... не ... гладишь?

– Потому, что хочу оставить на потом ... Думаешь, мне не хочется тебя приласкать ... и там?

– Хочется? Правда, хочется? – она оторвалась от его шеи и, зажав его руку между ног, одернула подол. – И ты сдерживаешься? А почему я не могу сдержаться? Видишь, сижу перед тобой гологрудая, как последняя ... куртизанка ...

– Милая моя куртизанка ...

– Пусти ... Дай я чулки надену ...

Она начала надевать чулки, но смутилась, повернулась к нему спиной.

– Не смотри ...

– Знала бы ты, как это прекрасно – когда ты надеваешь чулки ... Нагибаешься ... Твоя грудь – это само совершенство ...

Она опять устроилась у него на коленях, заправила подол юбки между ног.

– Вот теперь тебе не будет видно того, чего не надо ... и лишняя преграда, правда?

– Да, такая преграда! – он кончиком пальца дотронулся до кончика ее соска. Даша вся выгнулась, подставляя себя его руке, а потом прильнула к губам, прижимая его руку к своей груди.

– Что же ты делаешь ... Я же не выдержу ...

– Тогда пойди и оденься ... Да лифчик потолще надень ... на меховой подкладке ...

РИСУНОК ГРИШИ

– Дядя Слава, я хочу показать тебе один рисунок. – Гриша протянул Маленькому лист бумаги.

Молоденькая девчушка с испугом смотрела на стрелку прибора. Но прибор, стрелка и лампочки над шкалой были изображены как бы отражающимися в стекле и девушка была за этим стеклом.

– Неужели Вера? Гришка, неужели Вера? Веруня, иди скорее! На, посмотри!

Вера взяла лист, всмотрелась, недоуменно взглянула на Гришу, на Маленького.

– Как же это? Откуда? Где ты мог это увидеть? – она не могла оторваться от рисунка. К ним подошли Зина и Катя, тоже всмотрелись в рисунок.

– Гриша, как же это?

– Где ты мог такое увидеть?

– А Верка-то какая молодая! Ну, точно, как тогда!

– И «люпус» такой. Они только-только тогда с Константином познакомились и начали прибор переделывать ...

– А Доктор ворчал на них ... И доворчался до того, что Димка родился ...

Вера тихонько плакала, а Маленький гладил и успокаивал ее.

– Гришка, ты такой ... такой ... Ну, чтоб тебя ... не знаю, какой! – он ласково погладил своей огромной ладонью Гришу.

– Гришенька, спасибо тебе ... тебе Дима помог, да? Спасибо, это такая память ...

ДАША и ВОЛОЖАНИН

Даша посмотрела на свои ноги – одна, согнутая в колене, прижата к его груди, а другая свесилась с его колен на пол, над чулками виднеются оголенные ноги ...

– Юрочка, я очень ... неприлично выгляжу?

– Ну, спохватилась ... А ты сама как думаешь?

– Думаю, что очень неприлично ... Только мне хорошо, что ты ... тут ... что твоя рука тут ...

Она взяла его руку и повела ею по своей ноге. Это было так хорошо, так волнующе, что она закрыла глаза и зажала его руку между ног.

– Юрочка, милый ... Накинь на меня свою куртку ... и руки уברי ... а то мне плохо будет ...

Он укутал ее, обнял, легонько касаясь губами ее лба.

– Как мы назовем нашего первенского?

– Федькой или Клавкой ... Как получится. Или ты сразу двоих мне выродишь?

– Милый, да я хоть пятерых вырожу – только бы можно было бы ...

– Сколько будет, столько и будет. Перебьемся.

– Ты соображаешь, что говоришь? Я, что кошка тебе, каждый год рожать?

– Ах, ты милая моя кошка! Да о чем ты говоришь? Все образуется ...

– Ну, да, ты же у нас мужчина опытный ... С женщинами дело уже имел ... Ой, Юрочка, прости, пожалуйста! Прости меня, дуру глупую! Было – значит было, так теперь-то нету ... Нету?

– Дашенька, милая, у меня никого нет, кроме тебя. Жаркая моя ...

– Просто положи руку, и пусть она себе лежит ... Если двигать начнешь, я опять зайдусь – не уймешь ...

В спальню она пришла поздно, вернее, рано и, счастливо улыбаясь, вынула из кармана халата злополучную кофточку.

Ольга исподтишка наблюдала за ней.

«А не надень я эту кофточку – сколько бы он еще собирался ...» – подумала Даша снимая халат. Грудь еще хранили, казалось, его прикосновения, и она их легонько погладила.

И счастливо, но чутко заснула.

К СВИРИДОВУ с ЗАЯВЛЕНИЯМИ

Суковицина положила перед Свиридовым конверт посетителя, на нем было написано «Воложанин».

– Зови! – удивился Свиридов. Капитан Воложанин входил в число лиц, имевших право входить к нему в любое время без доклада.

– Здравия желаю, товарищ командующий!

– Здравствуйте, Юрий Николаевич. Прошу.

Свиридов вышел из-за своего стола и сел напротив Воложанина.

Тот вынул пачку листов и положил перед Свиридовым.

– Так, значит. Свадьбы у нас намечаются. Это – дело хорошее. Заявления от офицеров, но я надеюсь – невесты не возражают? Да, заявление капитана Воложанина и лейтенанта Огородниковой – вместе. Я тебя поздравляю, Юра. Рад за вас – такая хорошая пара получилась. Таким образом формальный момент разрешен – командование в моем лице не возражает и даже приветствует.

– Как устраивать семейную жизнь, командир? Хоть народ и без особых претензий, но не хотелось бы по общежитиям ютиться.

– Пойдем-ка с тобой, поглядим... А потом побеседуем.

Свиридов привел Воложанина на третий этаж 400-го корпуса, взял у дежурных ключи. Пройдя в самый конец коридора он открыл дверь последнего номера.

– Вот, смотри. Однокомнатная квартира. Прихожая, ванна с туалетом, большая комната с кухонным уголком, спальня, лоджия. Здесь на этаже десять таких номеров. Как смотришь, годится для молодой семьи?

– Совсем неплохо, командир! А дети?

– Пойдем. Там, в начале коридора, три типовых распашонки – трехкомнатных номера. Один – для неженатых офицеров твоего отряда, один – для детей. В коридоре комнат свиданий устраивать не будем, там пусть ребяташки занимаются, читают, мастерят. Думаю, пока им лучше побыть вместе, но если захочется – всегда можно убежать к маме с папой. Как мыслишь?

– Вы заранее все предусмотрели, командир? Мне нравится.

– Мне тоже. Очень хочется, чтобы вам всем было хорошо. А кончим работу здесь – там, у себя, в Москве, получите все по отдельной квартире. Если кучу детей к тому времени не нарожаете – трехкомнатную!

– Думаю, дети будут. Мы с Дашей ... планируем.

– Не познакомился еще с родителями?

– Нет, собираюсь.

– Кого в сваты хочешь пригласить?

– Вас, командир. Больше некого ...

– Спасибо. Своим-то написал?

– Написал. Думаю, возражать не будут – все равно показать не смогу. Тем более Даша торопит ... Нет, вы не подумайте чего, командир – просто она побыстрее хочет.

– Да и другим-то чего тянуть. Давайте соберемся вечером, покумекаем – что да как. У Даши хоть ее родители тут, под боком, а у других никого рядом нет. Пусть особенно не переживают, что фотографий послать не могут – глядишь, в отпуск съездят, познакомятся. А ваша с Дашей квартира – вот эта, поближе к отряду. Там внутренняя дверь есть – прямой проход мимо коридора. Ну, как?

– Благодарю, командир. От себя и от имени всех ... заинтересованных лиц.

– Будет вам хорошо – и мне хорошо. Но вас всего восемь – а остальные? Вас пятнадцать, без Ольги – четырнадцать, без вас – шестеро. Они-то как?

– Я не скажу, что все они аскеты или монахи ... Но у некоторых девушки остались в Москве. У других процесс знакомства ... протекает не так быстро, как ... как у других. Но исключать возможность женитьбы я бы не стал ...

– Понятно. Но вы, женатики, не обижайте их, не отталкивайте от себя.

– Что вы, командир! Они пасутся у нас ... то есть я хотел сказать – у женщин в комнатах, как свои там. Правда, до ревности и там всяких глупостей не допускаем. Ольга сейчас очень хорошо помогает – она так смотрит за ребятами! В курсе всего, ребята советуются с ней по самым щекотливым вопросам ...

– Молодчина Ольга! Пусть группу спецподготовки с мальчиками организует – она это умеет. Да и отвлечется от московских воспоминаний. Так до встречи?

– Ждем вас, командир!

ЭКСПЕРИМЕНТ с ЛЕНОЙ

#Лена, ты где? – Свиридов мысленно позвал Карцеву.

#Я у грузовых ворот, в приемке. Что, Толя? – тотчас же откликнулась Лена.

#У меня есть свободные полчаса – не попробуем телекинез?

#Прямо тут? Давай. Только я вылезу из этой канавы.

#Поднимайся в комнату отдыха, я буду ждать тебя там.

Лена пришла вся в космах паутины, скинула халат.

– Грязи там! Трубы надо менять – проржавели все.

– Здравствуй, занятая женщина!

– Здравствуй, Толя! Что, прямо здесь и попробуем?

– Ты оставайся здесь, а я пойду в камералку. И скажу, чтобы в эти комнаты не ходили.

#Ну, как, ты готова?

#Готова. А что делать будем?

#Что-нибудь такое, что оставляет безусловные следы.

#Возьмешь что-нибудь или передашь?

#Это не очень надежно – мало ли что, это могло быть передано заранее.

#Ты собираешься доказывать кому-то?

#Нет. Для начала давай попробуем установить контакт рук.

#Я пытаюсь.

Свиридов представил себе Лену, ее руки, протянул свои и ощутил прикосновение ее рук. Глаза его были закрыты, но он видел Лену, ее руки и ощущал их тепло и движение.

Он погладил ее пальцы.

#Как хорошо ... Ты тоже чувствуешь? Я закрыла глаза и вижу тебя.

#Я тоже вижу тебя. У тебя на блузке верхняя пуговка расстегнута.

#Расстегни дальше ... Ну, что ты? Ты начал меня стесняться?

Свиридов начал расстегивать пуговицы на ее блузке, открылась светло-сиреневая комбинация.

#Вижу сиреневую комбинацию.

#Правильно. Сними с меня кофту. Снимай, снимай!

Она повернулась спиной и помогла ему стащить за рукава кофту.

#Раздевай меня ... Толя, ну это же эксперимент!

Свиридов чувствовал руками ткань блузки и комбинации, и нежную теплоту кожи, и нервную дрожь ее тела. Он осторожно спустил с плеча бретельки.

#А теперь расстегни ...

Свиридов провел руку ей за спину, нащупал застежку и расстегнул бюстгальтер. Освободил ее увядшую и немного отвислую грудь.

#Все это ты могла неосознанно сделать сама ...

#У тебя есть шариковая ручка? Распишись прямо на груди.

Свиридов сунул руку в карман, достал ручку. Приподняв ее левую грудь он расписался на ней и еще раз ниже.

#Ой, щекотно! А теперь укради у меня что-нибудь.

Свиридов потянул к себе бюстгальтер. Пришлось снимать его с другого плеча, освободить из-под комбинации. Лена послушно поворачивалась под его руками. Он скомкал бюстгальтер и спрятал его в карман.

#Поцелуй меня ... Пожалуйста.

Свиридов обнял ее за обнаженные плечи и поцеловал в губы. Лена ответила ему, и поцелуй получился совсем не такой, каким они иногда обменивались при встрече. Свиридов чувствовал на своей шее ее руки.

#Утащи и ты что-нибудь.

Рука Лены прошла у него под пиджаком, нащупала в нагрудном кармане кучу ручек и карандашей и вытащила один.

#А теперь иди ко мне.

Она ждала Свиридова обнаженная по пояс и с зеркальцем в руке.

– Смотри, вот твои подписи, мне их видно только в зеркало.

Свиридов увидел на ее обнаженном теле две свои подписи.

– Бессовестный соблазнитель ... Отдай лифчик! – Лена чуть прикрыла обнаженную грудь рукой. – Ну, что ты так меня разглядываешь – голую бабу не видел? Что ты чувствовал, что видел? Вот твоя ручка – я ее все-таки утащила!

Свиридов отдал ей бюстгальтер и Лена стала одеваться.

– Думаю, наши ощущения были весьма близки – и друг другу и реальности. Например, у тебя вот тут шершавая кожа. Так?

– Так ... Я даже не замечала ... Но когда ты меня хватал за грудь ...

– Ну уж и хватал!

– Еще как – по-хозяйски! Но мне все равно это было приятно ...

– Что – телесекс?

– А почему бы и нет? Может, попробуем? Извини, глупости говорю, но по существу ... По существу это может быть ... сам понимаешь ... Это тебе не виртуальная реальность, а кое-что похлеще ...

– Да, тут кое-что похлеще, ты права.

Свиридов помог ей надеть кофту.

– Не забудь смыть следы преступления, а то Саша меня приберет.

– Знаешь, я своим дряблым телом перед ним не хвастаюсь ... Смою, смою! А ты не хочешь попробовать на расстоянии? Тут все было рядом.

– Попробуем.

В машине Свиридов подумал о необходимости проверить две вещи – возможность сексуальных действия и возможность физических воздействий в условиях невозможности непосредственного контакта и значительной отдаленности от объекта.

И главное – если объект такими телекинетическими способностями не обладает.

Эксперимент

МАМА, Я ПРОПАЛА!

- Здравствуйте, мама! Что, никого нет? А Надюшка где?
- Все-таки приехала ... Совсем дом забыла ...
- Ну, что вы, мама! Просто работа – детишек бросить жалко. Только уехала, а сама думаю – как они там, да что делают ... Хорошо, хоть там помощница у меня появилась ... Вот, я Надюшке платьице привезла. Думаю, как раз в пору будет. А вот это я себе новое купила ...
- Даша повертелась перед зеркалом.
- Как вам, мама? Ничего, идет мне?
- Дарья ... Дарья!
- Что, мама?
- Дарья, никогда за тобой этого не водилось – чтобы ты перед зеркалом вот эдак вертелась ... Что с тобой, Дарья?
- Ой, мама! Пропала я ... Совсем пропала ...
- Кавалера завела? Кто он?
- Капитан из отряда Свиридова, нового начальника ...
- И что у вас с ним?
- Ой, мама, пропала я ... Только о нем и думаю ...
- И до себя его допустила? Говори как на духу!
- Ой, мама ... Не поверите – все бы ему позволила, да сам он меня оберегает ... Говорит, что любит, а жениться хочет на девушке ...
- Что-то непохоже на нонешних. Привела бы, познакомила. Неужто влюбилась-таки без задних ног? Давно знакомы-то вы с ним?
- Да уж почти два месяца, как они все приехали. А вместе ... всего ничего, дней ... две недели всего ...
- Это как это – вместе? А говоришь – не допустила до себя?
- Мама, ну как это можно! Я же люблю его без памяти! Засыпаю – его вижу, просыпаюсь – его вижу. Гуляем с ним или сидим разговариваем – так бы и сидела ночь напролет ... А обнимет, поцелует – все, нет меня ...
- Ох, Дарья, это в тебе моя кровь играет ... Я такая же была, когда с твоим отцом целовалась ... Как зовут-то твоего? Откуда родом? Не старый?
- Он сам из-под Владимира, родители его в колхозе работают. Зовут его Юра ... Юрочка ... Юрий Николаевич Воложанин. И старше-то меня он всего на четыре года ... Ой, мама! И чего он во мне нашел?
- Деревенскую дуру глупую да доверчивую ... да влюбчивую ... Правду говоришь, ничего промеж вас не было?
- Ну, мама! Когда я вам неправду говорила? Он меня бережет ... И неужто я дура такая?
- Да не бери к сердцу, это я так, любя ... Ты у нас выросла умненькая, хорошенькая, заботливая ... Ну, и что же будет? Ты говоришь, жениться собирается? Замуж тебя возьмет?
- Отдайте ему меня, мама. Пропадну я без него ...
- Совсем присушил? Так ведь мы его пока не видели ... Да и сестра у тебя есть старшая, ее черед замуж выходить ...
- Мама! Вы же сами сказали – это ваша кровь во мне играет! Я ребятишек от него хочу!
- Прямо так и хочешь ... Жить-то где будете?
- Не знаю, мама ... Где он, там и я буду ... Он человек военный ...
- Ну, да, внучат родителям подкинете – и айда ...

– Мама, как вы можете? Я чужих-то оставить на день не могу, а своих? Как вы такое подумать могли только про меня!

– Не сердись ... Вон Анюткиных-то не дождались, так хоть твоих понянчим ... Как отцу-то сказать ... Привози своего в гости, на смотрины, поглядим на него ... Не заробеет?

– Ну, что вы, мама. Он боевой офицер, награды имеет боевые.

ПЕС САНДАЛ

Дежурный вытянулся перед неожиданно возникшим перед ним Свиридовым.

– Товарищ полковник ...

– Вольно. Где тут у вас собака, которая приходила в гости к мальчикам около четырех-сотого корпуса?

– Да, пожалуйста ...

В вольерах, огороженных сетками, сидели мощные мохнатые овчарки.

– Вот этот. Только он серьезного нрава, товарищ полковник, кроме своих никого не подпускает.

– Как зовут?

– Сандал ...

– Привет, Сандал. Как поживаешь? Меня зовут Анатолий Иванович. Будем знакомы.

Дежурный с удивлением наблюдал, как пес встал, подошел к сетке и чуть заметно вильнул хвостом.

– Помнишь мальчиков? Хочешь пойти погулять с ними?

Пес качнул головой и еще заметнее вильнул хвостом.

– Откройте. Мы с Сандалом пойдем погуляем.

– Как же это? Поводок хоть возьмите ...

– Нам нужен поводок? Может быть, обойдемся без него? Ты не будешь убегать от меня?

Пес утвердительно кивнул несколько раз и заворчал.

Дежурный ошеломленно смотрел в окно – там мощный Сандал мирно шел рядом с полковником Свиридовым – без поводка! – и внимательно слушал Свиридова, поднимая голову и изредка порывывая.

Мальчики были на горке и катались на санках. Сандал заметил их издали и заволновался, стал беспокойно посматривать на Свиридова и повизгивать.

– Потерпи, Сандал, а то они еще испугаются. Пойдем вместе.

Пес обиженно заворчал, но повиновался и так же покорно шел рядом со Свиридовым.

Тут уже мальчики увидели Свиридова с собакой и бросились навстречу.

– Сандал! Сандал!

– Ну, беги! – разрешил Свиридов и пес с веселым лаем бросился навстречу мальчикам.

Он радостно прыгал вокруг них, подпрыгивал и лизал их своим розовым шершавым языком.

– Сандал, у тебя язык – как щетка, ты можешь сделать им больно. Полегче.

Пес повернулся, выслушал Свиридова, пошевеливая ушами, и лизнул очередного мальчика самым кончиком языка.

К ним спешила Даша, а две мамы – Вознюкова и Дзюбановская – так и остались стоять столбиками то ли от неожиданности, то ли от страха.

– Сандал, познакомься с Дарьей Федоровной, тетей Дашей. Она здесь главная, главней меня.

Пес послушно подошел к Даше и та машинально протянула собаке руку. Пес протянул ей лапу, но потом все же решил познакомиться по своему и тщательно обнюхал Дашу. Тявкнув он отбежал к мальчикам.

– Галина, Валерия! – позвал Свиридов. – Никита! Идите, познакомьтесь с Сандалом!

Мамы с осторожностью приблизились. Пес обнюхал их и поздоровался с каждой коротким лаем.

– Привет, Сандал! Меня зовут Никита, – подошел поздороваться дежурный. Псу он понравился меньше – от него пахло оружием, но он все же добродушно поздоровался с Кулигиным за руку.

– Ой, какой ... – тихонько прошептала Вознюкова.

– Галя, не бойся его, он очень добрый и серьезный зверь. А на врага он нападает молча, поэтому его рычание и лай – это его разговор. Так, Сандал?

Пес коротко пролаял.

Свиридов остановил барахтанье на снегу и мальчики стали снова скатываться с горки на санках, а Сандал бежал рядом и потом за веревку тащил санки обратно. Двух мальчиков ему тащить было тяжело и мальчики стали съезжать по одному и не так часто, чтобы не мучить собаку.

Потом они попробовали уговорить Сандала прокатиться на санках с горки самому, и тот поддался на эти уговоры и дал усадить себя на санки. Но до конца горки не съехал, а соскочил с санок раньше.

– Нам пора уходить, – сказала Даша, – Мы и так задержались.

– До свидания, Сандал! До свидания!

Мальчики махали ему руками, а пес коротко тявкал и махал хвостом.

– Хочешь еще прийти к мальчикам?

Пес утвердительно закивал и пытался даже что-то изобразить голосом.

– Хорошо. Когда я буду свободен, мы с тобой еще придем сюда. Хорошо?

Пес активно подтвердил свое согласие.

– А ты сам обратно дойдешь? Только спокойно, без шума, ни на кого не лаять и не бросаться. Договорились?

Пес опять подтвердил.

– Тогда иди. До свидания, Сандал!

Пес тявкнул, повернулся и, оглядываясь на Свиридова, пошел по дорожке.

– Ну, то надо же! – растерянно прошептала дежурная по корпусу, наблюдавшая за всем в окно. – Его и собаки слушаются! Чистый колдун!

ДОБРЫЙ ДЕНЬ, ИЗРАИЛЬ МОИСЕЕВИЧ

– Израиль Моисеевич, добрый день.

– Здравствуй, Толя, здравствуй. Что нового?

– Мы с Леной провели еще один эксперимент по телекинезу.

– Ну, ну?!

– На расстоянии около двадцати метров через две железобетонные стены мы установили зрительный и тактильный контакт. С закрытыми глазами была полная иллюзия подлинности прикосновений. Я снял с нее кое-что из одежды и расписался ручкой на ее теле. Она взяла у меня из кармана карандаш, а я – деталь ее туалета.

– Что ты так витиевато выражаешься? Поконкретнее.

– Я снял с нее бюстгальтер и спрятал в свой карман и расписался на ее груди там, где она сама сделать этого не могла.

– Ты кому и что доказывал?

– Я хотел убедиться, что она не могла этого сделать сама – под каким-то влиянием ...

– Надо проверить на расстоянии ... Хотя вряд ли дальность отличается от мысленного общения ... Но если так пойдет дальше, то ... секс на расстоянии!? Не думал?

– Подумали.

– Я тоже подумаю. А пока вижу следующие задачи. Первая – а нельзя ли установить подобный контакт с обычным человеком?

– Думаю.

– Вторая – а если ты выстрелишь? Ну, ты понял – дойдет ли оружие и совершит те же действия, что на визуальной дистанции ... Вариант – при таком телекинетическом сексуальном контакте может ли забеременеть партнерша? Не смейся, это же страшно интересно!

– Непорочное зачатие.

– Не совсем, но ... Третье – видишь ли ты текст в руках своего партнера, можешь ли прочесть, и должен ли видеть этот текст твой партнер ...

– И чего вас в разведку не взяли ...

– Главное – твой партнер – обычный неподготовленный человек ... Подумай, как это сделать ...

– Этот партнер может выполнять активную и пассивную роль ... Ведь он может и не знать о контакте, или воспринимать это как свои мечты, грезы, сон. Так?

– Так, Толя, так ... Освободись хоть немного от своих дел и займись этим – это намного важнее всего прочего.

– Но знаем-то об этом толком только мы двое ...

ЭКСПЕРИМЕНТ с ТОНЕЙ

– Тонечка, мне надо провести кое-какие эксперименты – можно попросить тебя помочь мне?

– Конечно, Толенька. Что надо делать?

– Это связано с мысленными контактами, но в реальном масштабе времени. То есть без всякого обращения к твоей памяти и информационному полю твоего сознания – только то, что происходит сейчас.

– Толенька, я же тебе разрешила раз и навсегда читать мои мысли и что там еще есть у меня в голове! И нечего ... целовать ... затыкать ... мне ... рот ...

– Значит, целовать не надо? Совсем ... не ... надо ...

– Так мы много с тобой поработаем ... Ну, прямо, как маленькие!

– Ничего себе маленькие – у нас Гриша скоро вот так целоваться будет!

– Только не с кем ему – если только с Аришкой Михеичевой, так она маловата еще для этого ... Ладно, давай о деле.

– Первый опыт мы с тобой поставим так – ты будешь сидеть и думать обо мне, а я попытаюсь установить с тобой мысленный контакт. Твоя задача на первый раз – постараться не отвлекаться и все. Ты сиди здесь и закрой глаза, а я пойду в другую комнату.

Тоня уселась поудобнее и закрыла глаза.

«Интересно, что будет дальше? Как это мысленный контакт?» – подумала она и вдруг почувствовала, как Толина рука легонько погладила ее по щеке. Она даже открыла от неожиданности глаза – никого в комнате не было. Но рука не исчезала, и это была его рука – уж его-то руку она не могла спутать ни с чем!

Потом он взял ее руку и поцеловал, и Тоня совершенно отчетливо ощутила его губы. Ей захотелось забраться с ногами на диван и она сбросила туфли и подняла ноги, поджала их поудобнее. Затем у нее ужасно зачесалась коленка и она ее почесала.

На диване было так уютно, Толя держал ее за руку и делать ничего не хотелось. Нет, ей захотелось взять со стола книгу и открыть почему-то на сто двадцать восьмой странице – она встала, взяла книгу и стала листать.

Но читать не хотелось и она, даже не посмотрев на страницу, отложила книгу в сторону. Ремешок часов вдруг стал тесным и Тоня расстегнула ремешок и часы вдруг куда-то делись – только что были и вдруг их не стало.

Тоня резко вскочила и тут вошел Толя с ее часами в руке.

– Это ... это как? Как ты это сделал?

– Посмотри текст в книге – сверху сто двадцать восьмой страницы. «Еще сложнее работать с пропорциональными шрифтами при подготовке таблиц. Необходимо добиться, чтобы не только колонки начинались в нужном месте таблицы, но и чтобы цифры в этих колонках также были выровнены.» Что за книга?

– Да это Гриша читает про компьютеры. Все правильно, там так и написано.

– Что ты чувствовала?

– Ты гладил меня по щеке, брал меня за руку, целовал руку. Это было так реально, что я открывала глаза – но тебя не было. Потом мне захотелось подобрать ноги, потом зачесалась коленка, потом надо было взять книгу, открыть, но не читать. И потом часы – я только растегнула ремешок, а часы исчезли. Как это, Толя?

– Вот этого я сам пока не понимаю – как это я предметы ... телетранспортирую. А все остальное я тебе внушал.

– Но я так явственно ощущала твои руки... Неужели это возможно?

– Думаю, так явственно получилось потому, что ты на меня настроена. Как радиоприемник.

– Ты мысленно установил контакт со мной и я почувствовала твою руку ... А если я так попробую – ты почувствуешь? Давай попробуем?

– Вряд ли. Давай. Я тоже буду думать о тебе.

Свиридов вышел. Тоня сосредоточилась и попробовала представить себе, что она берет его руку и прикладывает к своему лицу, прижимает ее и гладит. Она поднесла руку к своему лицу. Ей даже на миг показалось, что она чувствует его руку, но это было не так и она сделала движение, будто щиплет эту несуществующую руку.

Вошел Свиридов.

– У меня не получается.

– Неправда, получается. Я чувствовал, что ты хочешь приложить мою руку к своему лицу, к щеке. Я ощущал твою руку, правда, очень слабо. А потом ты зачем-то захотела ущипнуть меня! Так?

– Точно! Но я тебя не чувствовала.

– Это же страшно интересно! Значит, какие-то основы у тебя есть, надо только попробовать развить их. Потренироваться. Помнишь, ведь тогда я тебя «услышал» – когда тебя пытались захватить ...

– Давай попробуем еще. Попробуй еще что-нибудь со мной сделать.

Свиридов вновь вышел, а Тоня вытянулась на диване. И почти мгновенно раздался ее смех.

– Толя, не надо! Толя, мне щекотно! Толя, что ты делаешь!

Его рука щекотала ей подошву ноги, она попыталась отбиться, стала дергать ногами, но одна его рука ухватила ее за лодыжку, а другая прошла по подошве.

– Ну, Толенька, ну, пожалуйста!

Ее ногу отпустили и в комнату вошел Свиридов.

– Изверг ты ... Совсем зашекетал. Но как ты мог держать мою ногу, если тебя здесь не было?

– Сам не знаю. Но сил пришлось приложить немало ...

Тут произошло совсем непонятное. Тоня видела его перед собой, видела его руки – и одновременно чувствовала, как он взял ее за руки и помог встать с дивана.

– Ну и тяжела же ты! – сказал Свиридов. – Реально, а не мысленно поднять тебя куда легче!

– Толенька, я ничего не понимаю ... – растерянно сказала Тоня.

И она почувствовала, как его пальцы осторожно кладут ей в нагрудный карман кофточки бумажку. Тоня опустила глаза – в кармане лежала сложенная записка, но ведь он даже не протянул к ней руки! Она развернула бумажку – и на ее глазах на чистой бумаге стали появляться слова «Милая Тонечка, я так тебя люблю!»

Она подняла глаза – на лбу Свиридова собирались крупные капли пота.

– Это не так просто делать ...

СМЕРТЬ НЕФЕДОВА

– Здравия желаю, товарищи генералы!

– Здравствуй, Свиридов. Доложи обстановку.

– Идет плановая подготовка к вводу в строй установок с литерами 100А, 100Б и 100В.

Производятся монтажные работы, продолжается комплектация оборудования. Техническая документация по блокам 100А и 100Б подготовлена, производится тренировка персонала.

– А что это за установки? – проявил интерес генерал Нефедов.

– А это Свиридов реконструирует комплексную установку с базовыми излучателями. Но вас, Сергей Юрьевич, интересует заключенный Шипук, не так ли?

– Да, Николай Константинович, я бы хотел допросить Шипука.

– Полковник Свиридов, мы можем увидеть заключенного?

– Так точно, товарищ генерал-полковник. Прикажете доставить?

– Я думаю, лучше навестить его там, где он содержится. Не так ли, Сергей Юрьевич? Заодно посмотрим, как содержатся заключенные.

– Согласен.

В микроавтобус вместе со Свиридовым, Сторнасом и Нефедовым втиснулись еще четверо массивных офицеров – двое сопровождали Сторнаса, а двое – Нефедова. За рулем машины сидел капитан Воложанин, а рядом с ним подвижной и веселый старший лейтенант Рыбачков.

Только когда машина остановилась на расчищенной площадке у дверей здания генерал Нефедов узнал его.

– Что за черт? Вы что, в здании интерната заключенных держите?

– Никак нет, товарищ генерал. Интернат отсюда переведен. Теперь тут местная тюрьма – другого подходящего здания не нашлось. Прошу.

За дверью оказался пост охраны – автоматчики, решетчатая запертая дверь. Свиридов в журнале поименно записал всех приехавших и после этого они прошли в коридор. За Свиридовым последовал один Рыбачков.

– Где же камеры? Кто тут еще содержится? – спросил генерал Нефедов, оглядывая длинный пустынный коридор.

– Камеры дальше, за поворотом, товарищ генерал. Кроме бывшего начальника охраны Шипука тут сидят еще несколько мелких уголовников.

За поворотом открылся длинный и не менее пустынный коридор, но вдали уже просматривались проемы в стенах.

– Товарищ генерал-полковник! Считаю присутствие сопровождающих при допросе Шипука излишним.

– Согласен, полковник. Прошу остаться.

Рыбачков пригласил сопровождающих в нишу в стене – там стоял стол, стулья, на стене висел телефонный аппарат.

Генералы и Свиридов пошли дальше и свернули за угол, а потом повернули в просторную пустую нишу.

– Полковник Свиридов, оставьте нас одних.

– Слушаюсь, товарищ генерал-полковник.

Свиридов вышел из ниши и остановился за углом. Голоса отсюда были слышны, но слов разобрать было нельзя и Свиридов вошел в сознание Нефедова и через него присутствовал при разговоре.

Сторнас начал с простых вещей, но потом все больше и больше затрагивал то, о чем Нефедов вспоминать не хотел, и о чем – по мнению Нефедова – Сторнас знать не мог.

Свиридов следил за разговором невнимательно – содержание разговора его интересовало мало, а основное внимание уделил исследованию информации в памяти Нефедова. Да, там было много интересного.

Ну, что же – Сторнас довел Нефедова до нужной кондиции и тот готов выхватить оружие.

Свиридов с пистолетом наизготовку продвинулся из-за угла, и вовремя – Нефедов не очень ловко вытаскивал из заднего кармана брюк черный «Вальтер», направляя его ствол на Сторнаса ...

Три выстрела прозвучали почти слитно. Первая пуля выбила кисть руки Нефедова вместе с пистолетом, вторая вошла ему в грудь, а третья – в голову.

Свиридов подошел – контрольный выстрел не требовался.

– Пошли, Свиридов. Ты узнал все, что было нужно?

– Так точно, Владимир Альбертович. Очень много любопытного.

Они вышли из ниши и пошли назад. Там, где они оставили сопровождающих, тоже все было в порядке – двое сопровождающих Нефедова лежали оглушенные.

– Старший лейтенант Рыбачков!

– Слушаю, командир!

– Сопроводите генерала и его офицеров в машину и отвезите в центр связи. Отвечаете за безопасность генерала.

– Есть сопроводить, отвезти в центр связи и обеспечить безопасность.

– Выполняйте. Владимир Альбертович, прошу вас, я скоро туда прибуду.

У выхода из здания уже не было охраны и один капитан Воложанин ждал его у двери.

– Всех людей вывели из здания? Проверено?

– Поименно, командир. Внутри здания остались заключенные уголовники, Шипук, Белков и Ишханов. Больше никого. У здания последняя машина. Охрана отведена в казарму.

– Поехали на пункт связи.

Машина отъехала от стелящегося по земле унылого серого здания метров на сто – по крайней мере, это было уже за огораживающей здание когда-то колючей проволокой.

Несколько выкрашенных белой краской машин слабо выделялись даже вблизи – в микроавтобусе сидел генерал Сторнас, от закрытого фургона в снег уходил белый кабель и ярко-красные телефонные провода.

Свиридов забрался в фургон.

– У меня все готово, командир! – старший лейтенант Колесов, которому высота фургона была явно маловата, снял наушники.

– Прозвонил все телефоны?

– Так точно, командир. Никого нет. Микрофоны дают звук только у камер, как обычно.

– Запись беседы генералов?

– Вот. – Колесов передал Свиридову кассету. – Запись была прекращена после выстрелов, как вы сказали.

– Готовься к подрыву.

Свиридов вышел из фургона, подошел к машине Сторнаса. Тот вышел из машины.

– Ну, что, Свиридов?

– Все готово к подрыву. Люди выведены. Какие будут приказания, Владимир Альбертович?

– Если все готово – тогда взрывай. Закрой эту страницу.

– Есть взрывать, товарищ генерал-полковник. – Свиридов козырнул, по уставному повернулся через левое плечо и зашагал к фургону, на ходу выключая диктофон.

– Готов?

– Готов, командир. Система к подрыву готова.

– Эта кнопка?

– Эта, командир.

– Тогда иди, подыши воздухом.

Колесов выбрался из фургона и прикрыл за собой дверь.

Свиридов смотрел на красную чуть выпуклую кнопку.

Потом положил на нее палец. И нажал ее.

И через неполную секунду несильно толкнуло фургон.

Свиридов вылез наружу – над тем местом, где до этого виднелась тоненькая полоска здания, клубился серый дым и оттуда донесся глубокий тяжелый вздох.

Все стояли и смотрели на облако, оно медленно оседало и таяло.

– Воложанин!

– Да, командир!

– Кабели сматать, все прибрать, уезжайте. Мы с генералом прогуляемся ... на пепелище. Тщательный осмотр места взрыва приказываю провести через час.

– Есть, командир!

– Поехали, Владимир Альбертович, посмотрим?

– Поехали, Свиридов.

О недавнем присутствии здесь длинного приземистого здания напоминала только пыль и несколько вогнутая равнина из обломков бетона с торчащей арматурой. Они объехали по снежной целине вокруг всего бывшего здания – картина была совершенно одинаковой.

– Там ничего не загорится? Электропитание отключено?

– Да, Владимир Альбертович. Мы все-таки нашли замаскированные аварийные выходы. Правда, в них стояли подрывные устройства. Но до подстанции добрались. На момент взрыва вся система электроснабжения была обесточена.

– Ну, что ж ... Прими благодарность от имени руководства за образцовое выполнение спецзадания.

– Служу ...

– И правильно ... Как с документацией?

– Практически все готово. Но придется внести кое-какие изменения и дополнения в связи с новой информацией от Нефедова.

– Узнал что-нибудь интересное?

– Кое-что об этом объекте и о работах, которые здесь проводили. Поэтому кое-что еще надо прояснить ...

– Учти, в Москве он почистил архивы и вряд ли там теперь можно что-нибудь найти. А по линии наркотиков?

– Практически ничего нового. Все те же фамилии, пара новых – так, по мелочи.

ТРИ ЖЕРТВЫ НЕФЕДОВА

– Вот вам, товарищи генералы, бумаги, а я с вашего, Владимир Альбертович, разрешения отлучусь часа на два. Привезу кое-что новенькое.

– Как, Николай Константинович, отпустим его? Пока почитаем, пока сочиним радиogramму, Галочка нас покормить сводит? Как, Галочка, покормите?

– Так неужели же нет, товарищ генерал-полковник!

Свиридов встретил Дину в коридоре.

– Дайяна, срочно к молчаливым старушкам! Посмотри, чтобы нам не мешали!

Они быстрыми шагами пронеслись по коридорам, за Свиридовым развевались полы белого халата и голову его закрывала белая шапочка.

– Здесь Евдокия Ивановна Пчелинцева ...

В светлой комнате на кровати лежала худая женщина неопределенного возраста с отсутствующим взглядом выцветших глаз.

– История болезни. Что при поступлении?

– Этого нет в карточке. Никаких сведений о причинах заболевания. Амнезия. Мне выйти?

– Нет, останься.

Свиридов присел на кровать к женщине, тронул ее за руку. Та очень медленно перевела взгляд на него и так же медленно отвела глаза.

– Евдокия Ивановна! – позвал Свиридов, но женщина не реагировала на голос. Он положил руку на ее лоб и вошел в ее сознание. И отшатнулся.

– Что? Что случилось? – Дина внимательно наблюдала за ним.

Жестом успокоив ее Свиридов вновь положил руку и вновь настроился на информационное поле лежащей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.